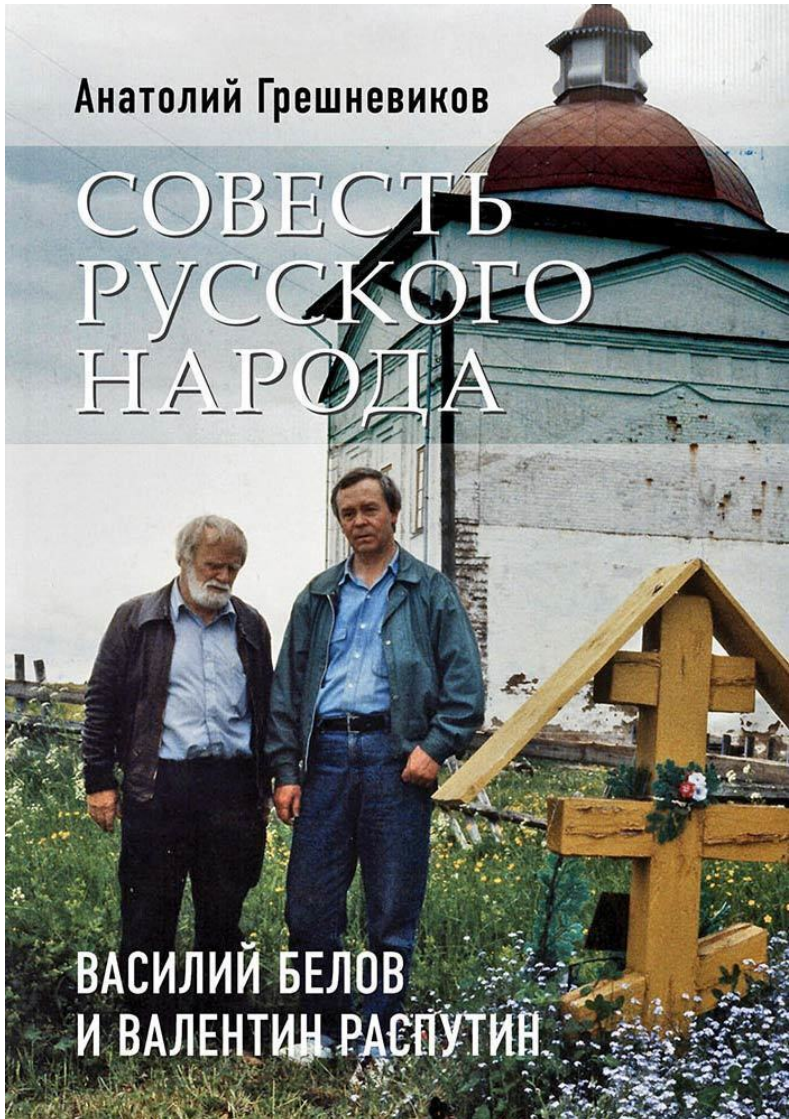

Анатолий Грешневилов

СОВЕСТЬ РУССКОГО НАРОДА

**ВАСИЛИЙ БЕЛОВ
И ВАЛЕНТИН РАСПУТИН**

Анатолий Николаевич Грешневилов

Совесть русского народа. Василий Белов и Валентин Распутин

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57453311

*Совесть русского народа. Василий Белов и Валентин
Распутин. / Грешневилов А.Н.: Книжный мир, ИП Лобанова О.В.;
Москва; 2020
ISBN 978-5-6043990-9-5*

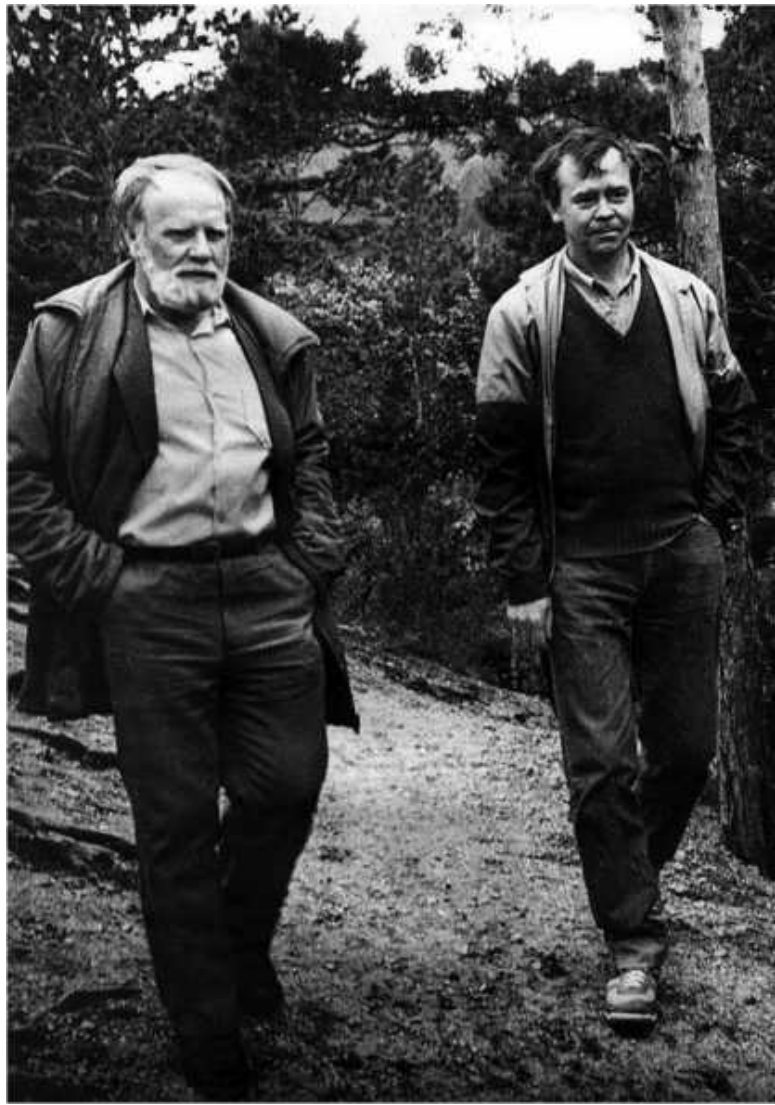
Аннотация

Книга известного русского писателя, эколога, депутата Государственной Думы России 1–7 созывов Анатолия Грешневилова наполнена теплом и светом, пронизывающим всю классическую русскую литературу от Пушкина до наших дней. И это не случайно. Его книга – литературный памятник творчеству и личностям двух великих русских писателей, без которых немыслима наша словесность XX века – Валентину Распутину и Василию Белову. Они – главные герои этой книги. И еще – Россия, любовь к которой и свела вместе всех троих писателей.

Содержание

Василий Белов – хранитель русского лада	7
Сербская Голгофа	8
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Анатолий Грешневиков
Совесть русского
народа. Василий Белов
и Валентин Распутин

© А.Н. Грешневилов, 2020

© Книжный мир, 2020

© ИП Лобанова О.В., 2020

**Василий Белов –
хранитель русского лада**

Сербская Голгофа

На сербской земле лежал белый теплый снег. Небо поднялось над Сараевом, поля и луга стали просторнее... Голубая лента городских домов тянулась по всему горизонту, изредка вздымалась серо-голубыми небоскребами кверху, и замыкала круг в конце города. Мы взирали с небольшого горного выступа на чудный бесшумный город и не верили, что в нём живет война. Я собрал с елки, едва переросшей меня, пригоршню снега и положил его в руки Белова. Он улыбнулся впервые за два дня, за время нашего пребывания в Югославии, и принял подарок. Слегка помял, похрустел белым комком, и мне показалось, что теперь он бросит его в меня. В его глазах озорно блеснул огонек. Но я ошибся. Он поднес его к лицу, вдохнул в себя воздух, будто перед ним были полевые цветы из родной деревни Тимониhi, и он хотел разгадать их запах, вытер им лицо, и комки снега повисли на его аккуратно стриженной бороде.

Война замерла в Сараево. За целый день она не выказала никаких признаков – в городе ни выстрелов, ни криков. И если бы мы час назад не проходили по улицам, взрыхленным минами и снарядами, не видели изрешеченные стены домов и черные от пожарищ окна, то не поверили бы, что город разделен на две части – сербскую и мусульманскую, и два противника неустанно поливают друг друга смертельным железом.

С утра нашу парламентскую группу, возглавляемую Сергеем Бабуриным, сопровождал молодой и крепко сбитый подполковник-десантник из русского миротворческого батальона. Он быстро и незаметно влился в наш коллектив. Представился десантник Владимиром Чумаковым. Мы с Василием Ивановичем Беловым заужавали его с первой минуты знакомства. В каждом его слове, движении чувствовалась русская сила. А его уверенность в собственные силы не могла не передаться нам. Еще больше поразил нас просвещенный патриотизм молодого десантника. Когда он, заместитель комбата по воспитанию личного состава, провел утром нас по казарме, то нам бросились в глаза плакаты с широко написанными словами: «У России только два союзника – армия и флот!», «Не в силе Бог, а в правде». Белов не преминул узнать, кто же воспроизвел эти известные поговорки в далекой от России казарме. Оказалось, наш сопровождающий. И как тут не возгордиться, что на нашем пути встретился такой образованный, толковый парень. Одним словом, «Русбат»,

как точно заметил Бабурин.

Подполковник зорко следил за нашей группой. Ему явно не хотелось, чтобы мы задерживались на белоснежной возвышенности. Он опасался снайпера, которому неожиданно могло взбрести в голову желание пострелять. Лучшей мишени – не придумать. Через каждую пару минут Чумаков предупреждал нас, чтобы мы не стояли на месте, а двигались.

На эту горную возвышенность мы приехали не случайно. Здесь, рядом, еще недавно была пулеметная точка моджахедов, дот, из которого простреливались сербские позиции. Отвоевали укрепленный в горной расщелине дот наши русские добровольцы. Как нам сказали днем сербские офицеры, один из добровольцев здесь погиб.

Мы пришли на место того победного боя, потому что не могли не придти. Белов сразу, как услышал эту историю, попросил Бабурина найти тот дот и затем повстречаться с ребятами, приехавшими сюда нелегально и воюющими на стороне сербов. Бабурин переадресовал просьбу сербскому генералу Д. Милошевичу.

И вот мы на лесистой возвышенности, с которой как на ладони открывается город Сараево.

Наша группа – это три российских депутата: Бабурин, Глотов и я, два белорусских парламентария – Бочаров и Павлов. И еще в составе делегации, как записано в протокольных документах, известный русский писатель Белов.

Наш путь лежит по узкой лесной дороге.

Я не перестаю удивляться красоте здешней природы. Не стесняясь, говорю об этом вслух, пытаюсь заснять на фото-пленку некоторые места нашего пребывания. Белов разделяет мои восторженные речи. «В таком ельнике около Тимо-нихи я собирал рыжики, – признался он. – Грибные места. Теперь вместо грибов надо мины собирать».

Елки в Сербии такие же, как в России. Чем просторнее растут, тем стройнее выглядят. А рядом с березами они смотрятся так же кудревато, густо, изумрудно-зеленый наряд выглядит пышным и привлекательным, будто они перекоче-вали сюда с русских равнин.

Первым дошел до уничтоженной огневой точки Сергей Бабурин. Его шаг размашистый, скорый. Глядя на коллегу, который хоть и моложе меня, но более тяжел и грузен, удив-ляешься, когда он успел сбросить двухдневную усталость. Вместе с Гловым он проник в тесное темноватое нутро до-та и оттуда стал звать белорусских коллег. Но протиснуться в дот удалось еще только одному Павлову.

– Удивительно, как удачно подобрано место для того, что-бы стрелять и убивать, – говорит, поражаясь собственному открытию, Бабурин. – Отсюда все близлежащие улицы вид-ны. В каждом доме можно посчитать окна. Я на одном под-оконнике даже площадки с цветами заметил.

– А чему тут удивляться?! – равнодушно заметил Сергей Глов, отряхивая с куртки прилипший снег. – Место при-стрелянное. Удобное. И я бы его выбрал. Рядом дорога, зна-

чит, в случае чего, и отступить быстро можно. Впереди деревья, значит, снайпера трудно засечь.

– Ты рассуждаешь, как военный, – заметил Белов.

– Он в недавнем прошлом и был военным, – выдал я биографические данные коллеги. – Служил ракетчиком.

– Да я про другое говорю, – пытался прояснить сказанное Бабурин. – Отсюда надо не город простреливать, а сделать вышку и любоваться им.

Белов в это время поднялся на гряде массивных камней, под которыми скрывался дот. Побледневший на моих глазах Чумаков тотчас замахал ему руками. Но писатель упорствовал, стоял на открытом пространстве, как мишень.

– Как человек военный, я тоже советую Вам, Василий Иванович, быстренько слезть оттуда, – скомандовал Гловтов. – Вы привлекаете внимание снайперов.

– Нельзя на одном месте задерживаться, – сурово повторил подполковник Чумаков. – Я же вам говорил. Снизу, из города, это место тоже хорошо простреливается.

– Я не боюсь, – махнул рукой Белов, и остался стоять на камнях, всматриваясь в городские застройки. – В моем возрасте стыдно уже чего-либо бояться. А под пулями мы уже были здесь... На свободной земле я чувствую себя свободным человеком!

Мне был понятен поступок Белова. Это было не желание показать свою смелость, а презрение русского писателя к тем, кто мог здесь, на полюбившейся ему сербской земле,

стрелять в него, в русского человека, готового отдать жизнь ради спасения Сербии.

Чумаков аккуратно стащил писателя, схватив его за рукав дубленки.

Настала наша с Беловым очередь посмотреть дот. «Полезете?» – спросил нас десантник. Белов кивнул головой и первым протиснулся в дот. За ним пролез в расщелину и я.

– Вот так, Василий Иванович, теперь мы сами превращаемся в снайперов, – говорю тихо я. – Видите ли Вы людей в городе?!

– Да я в последнее время вообще стал плохо видеть, – признался Белов, напрягая зрение и пытаясь разглядеть через щель в доте близлежащие дома. – Город будто вымер. Ни души не видно. Бабурин прав, там, в городе, жизнь мирная протекала, а они вздумали отсюда стрелять по ни в чем невиновным людям. Сербы молодцы, что выкурили бандитов. Но что-то тут не видно следов боевых действий.

– Снегом все замело, – к нам неожиданно протиснулся подполковник.

– Неужели вот Вы, русский офицер, не понимаете, что правда на стороне сербов? – обратился тут же к нему Василий Иванович. – Они воюют за свою самостоятельность. За нас воюют. За Россию. А вы им оружие дать не можете?!

– Мы все понимаем, Василий Иванович, – без всякой обиды в голосе отозвался Чумаков.

В эту минуту можно было подумать, что сопровождаю-

щий нас десантник отвечал за всю армию, и лично за министра обороны.

– Не понимаете, – наседали Белов. – Америка тут замешана. Она специально поставляет оружие мусульманам, чтобы те резали и убивали сербов – этот свободолюбивый народ. Американцы весь мир настроили против сербов. Только правы-то сербы. Это их земля. Они хотят на ней жить, работать.

– Понимаем мы, – снова повторил Чумаков.

– Не понимаете, – закончил грустно Белов.

По очереди мы вышли на свет. Бабурин пригласил всех в машину. Нас вновь ждал сербский генерал Д. Милошевич. Угрюмый Белов чуть ожил, когда увидел из окна машины силуэт стадиона. Он толкнул меня в бок и заставил тоже посмотреть в сторону, где когда-то проводились олимпийские игры. Вспомнились страницы тогдашних газет со снимками этого стадиона. У меня и у Белова защемило в груди. Василий Иванович попросил остановить машину и посмотреть на стадион с удобного места. Чумаков охотно согласился это сделать. Кроме меня и Белова за подполковником никто не двинулся. Наших ребят спортивный объект не заинтересовал. Белов потом пожурит их за равнодушие и отсутствие любопытства. Минуты три мы лицезрели стадион с высокой горной точки.

– Никто не понимает Сербию, – произнес отвлеченно Белов, стоя к нам спиной и смотря вперед на возвышающиеся рядом жилые небоскребы. – Никто не знает, что происходит

здесь!

Понятно было, что Василий Иванович размышлял сам с собой. Но подполковник слышал слова писателя, и, видимо, принял их на свой счет.

– Наше дело не допустить интернационализации конфликта, – заговорил он. – У американцев, конечно, другие задачи. Они вон подготовили в Хорватии и Македонии базы для боевых действий. Заключили договор с Хорватией о военном сотрудничестве. Подготовили пути отступления в случае опасности. А посмотрите, какой они участок нам предложили для отхода в случае войны. Отвод «Русбата» будет проходить через все зоны боевых действий.

Молчание писателя подсказало Чумакову, что у того отсутствует желание говорить. Тогда он достал из своего широкого кармана голубой берет с эмблемой миротворческих сил, свой берет снял с головы, и передал их нам в качестве подарков. Мы тут же нахлобучили их на себя.

В машине подполковник пытался продолжить беседу с писателем. Он долго говорил о своем миротворческом батальоне, о его миссии в Сербии, раздираемой противоречиями, говорил о том, с каким трудом они размещались в разрушенном, непригодном для жизни солдат, здании... Я внимательно слушал Чумакова и изредка кивал ему головой. Белов почему-то продолжал молчать и не выказывал никакого желания объяснить, почему все же наши военные не понимают происходящих в Югославии событий. Мне показав-

лось, он ушел в себя, забылся и думал уже о чем-то другом. А подполковник вспоминал, как он прошлогодней зимой с солдатами обустраивал одно помещение. Оказалось, что первоначально, до солдатских казарм, здесь была обычная школа милиции, а ее начальником был мусульманин, создавший здесь еще до войны первые боевые отряды для борьбы с сербами-соседями. Я вспомнил это крепко побитое здание. Видимо, по нему сербы часто били из орудий, выбивая окопавшихся там боевиков. Теперь нашим миротворцам долго придется его ремонтировать.

Подполковник вновь заметил, что Белов никаким образом не реагирует на его рассказ, и потому решил спросить: «Ну а Вам, большому русскому писателю, зачем лезть в самое пекло? Чем сегодня можно помочь Сербии?»

Белов виновато посмотрел на десантника, будто извинялся за недолгое отсутствие при разговоре, и сказал негромко: – Сербы должны знать, что простые русские люди с ними. Это власть в кремле их предала. А мы – нет.

Я вспомнил наш разговор с Беловым в самолете. Мы сидели рядом и долго говорили о братских исторических связях России и Сербии. Это был мой четвертый полет в Югославию. У Белова, видимо, поездок было больше. В этом году он уже прилетал к братьям-сербам, и проехал вместе с ними по самым горячим местам. Побывал в разрушенных городах и селах. Надолго запомнил дорожки, пропитанные кровью, от которых пахло не только вялой травой и землею, но и об-

горевшими человеческими телами. Моджахеды жгли сербские дома легко, играючи. И Белову стали понятны беспричинные слезы сопровождающих его грустных проводников. Глаза, перед которыми открывались сожженные деревни, не могли не наполниться слезами. Душа русского писателя тоже плакала, страдала. Вместе с сербами он останавливался то у одной, то у другой разоренной деревни, пугающей мертвой тишиной, и шептал: «Господи Иисусе Христе, помилуй сербов!». Ощущение пустынности и заброшенности переходило из одной деревни в другую. Он боялся уже говорить вслух, чтобы его слова не раскололи воздух, не напугали сербов. А в небольших городках на него обрушилось горе детей и стариков. Почему-то на улицах больше других суетились именно они. И тогда он переставал молчать, пытался лечить, будто психолог, своим утешительным словом каждого, до кого мог дойти.

В город Брчко они приехали сразу после обстрела. Если бы не задержались в деревне минут на пятнадцать, то точно угодили бы под вражеский огонь. Дико обезображенная площадь городка отходила от бомбежки. Вблизи не было видно ни машин, ни людей, ни собак. Лишь одна опрокинутая детская коляска... О ней Белов часто будет вспоминать и писать. Образ растерзанного города, того города, который он помнил ухоженным, уютным, веселым, останется надолго в его памяти.

Рядом с Беловым в тот день был замечательный писа-

тель-сибиряк и мой большой друг Валерий Хайрюзов. За его книги о летчиках, которых душа тянет не только в небо, но и в таежные дебри, я прозвал его «русским Сент-Экзюпери». Это прозвище привязалось к писателю, и в литературных кругах мне уже часто самому говорили о Валере, как о французском герое-писателе. Так вот Хайрюзов однажды поведал мне историю о той поездке в Брчко, а затем из Брчко в город Книн – столицу Сербской Краины. Героическая поездка. За четыре дня они проехали почти полторы тысячи километров! Белов скромно пересказал мне в самолете историю с тем марш-броском. А попали они тогда в ужасный переплет. Им надо было проскочить «коридор», обстреливаемый со всех сторон: справа стреляли хорваты, слева – мусульмане. Не успели они проехать этот опасный участок, называемый по-домашнему «коридором», как тут же среди ясного дня воздух взорвался пулеметными очередями. Беспорядочная стрельба сопровождала их всю дорогу до самого Книна. Если учесть тот факт, что в зону опасности попал не один Белов, а и его друг, крупнейший писатель современности Валентин Григорьевич Распутин, теснившийся рядом в машине, то можно представить, как пережил всю эту ужасную историю Валерий Хайрюзов. Уж он-то отчетливо осознавал, кто подвергался в тот день смертельной опасности.

Только от Хайрюзова я узнал и о другой истории, приключившейся тогда с нашим известным писателем. В тот день Белов побывал в окопах у сербов. И не удержался, взял в ру-

ки пулемет и дал несколько очередей в ту сторону, где расположились моджахеды. «А вдруг в кого попал?!» – спросил Хайрюзов. Белов засмутился, задвигал бровями, и как ни хотел, но выдавил из себя: «Да ни в кого я не попал. Разве мне попасть куда...». Конечно, для таких людей, как Василий Белов, с тонкой душой, не убившим за всю свою долгую жизнь ни одной зверушки, знающему цену человеческой жизни и любому человеческому проступку, такой вопрос был неприятным. Он вызывал дискомфорт. Потому писатель с трудом, но все же ответил. Правда, не стал героизировать, наговаривать собеседникам лишнего. Он поднял с земли тяжеловатую гильзу и положил ее в карман. Увез в Россию. Я видел ее в кабинете у Белова в Вологде, на книжной полке. И, повторяя мне в деталях ту историю с пулеметом, он вновь пробубнил: «Да мне никуда и не попасть...».

Самолет опаздывал на час. И, коротая время, мы листали с Беловым брошюры и газеты, которые любезно перед полетом дали нам работники югославского посольства. В них были изложены исторические сюжеты... Некоторые я воспроизводил Белову вслух. О том, что русские около трехсот лет боролись против татаро-монгольского ига, а сербы – около пятисот лет против турецкого. В 1380 году для русских была исторической битва на Куликовом поле... В 1389 году для сербов исторической была битва на Косовом поле. Только в отличие от нас сербы проиграли туркам. Читал о том, что в летописях сохранилась память о щедрой помощи

сербских князей русичам и, прежде всего, Русской Церкви, а царь Иван Грозный материально поддерживал сербское духовенство...

– Слушай, Анатолий, а что слышно сейчас про библиотеку Ивана Грозного? – вдруг перебивал меня Белов и хитро прищурил правый глаз. Я пожал плечами. В печати не раз читал о поисках царской библиотеки, но нашлась ли она – не ведал. По тому, как загадочно спросил про нее Белов, казалось, он узнал что-то интересное, тайное.

– Если ее найти, то вся ложь нынешних историков-западников рассыплется в прах, – добавил Белов. – И про его правление, и про опричнину, и про его сербские родственные корни по линии матери.... Ничего-то мы не знаем. Всю историю от нас скрыли, всю переписали. Про Сербию та же история... Разве нашей молодежи говорят что-то о Сербии?! Да ничего не говорят. А Сербия для нас больше, чем брат. Почему царь вступился войной за нее? Да потому, что за себя, за Россию, вступился.

– Эту войну сербы выдержат, одолеют противника?

– Сербов не сломить. Их нельзя победить. Можно только уничтожить. Всех. Иначе, как показала история, они восстанут из небытия и разрухи и вновь поднимутся на борьбу. Я недавно видел их в труде. Одну неделю они работают в поле, другую стоят в окопах, отбивают атаки мусульман. Это настоящая народная армия. И генералы у них настоящие, не чета нашим, вороватым и ожиревшим, забывшим о присяге.

– Одолеют, значит!?

– Да Караджич давно бы их разбил, и Сараево освободил полностью. Но мусульман специально вооружают... Хотят их руками задушить сербов. ООН превратилась в военную организацию. В ней диктат США. Прикажут американцы – Европа и исполняет все. А наши политики ничего не понимают, не знают истории... Здесь же решается судьба не только Европы, но и России. Американцы превратили Сербию в полигон для отработки методов борьбы с нами.

– Василий Иванович, а Вы помните сербов – героев Косовской битвы? Имя хоть одного помните?

– Бесстрашный Милош Обилич. Ты разве не помнишь? Ой, стыдобушка-то какая!..

После сказанного он надолго погрузился в свои мысли, закрыв глаза. И мне подумалось: а ведь прав Василий Иванович. Со школьных лет я почти ничего не помню про Сербию. Ну была Косовская битва, отличился в ней один отважный серб, проникший в лагерь турок и заколовший военачальника... И что дальше? Какое значение она имела для сербов? Что потом было с сербами, и вообще, кто они такие были?.. Почему всю жизнь боролись за независимость, с десятого века, а получили ее лишь в 1878 году, после вступления России в войну с Турцией? А в 1919 году после поражения Германии в Первой мировой войне им удалось выйти из-под опеки Германии и образовать Королевство сербов. Ничего о свободолюбивой Сербии мы не знали. И из университетских

стен я вынес немногое. Только детали первой мировой войны да убийство в Сараево сербом Г. Принципом эрцгерцога Франц Фердинанда. Тогда я не понимал, что Босния со столицей Сараево была аннексирована Австро-Венгрией. А ведь после того, как Сербия в 1882 году провозгласила себя независимым королевством и стала верной союзницей России, Австро-Венгрия не захотела усиления Сербии и уже в 1908 году аннексировала ее. Никому в Европе не хотелось иметь сильную союзницу России. Этой правды нам не говорили в студенческих аудиториях! Из-за России в 1914 году Австро-Венгрия нападает на Сербию. Россия не могла не заступиться за сербов, не вступить в войну. Зато во вторую мировую войну в Европе лишь сербы были союзниками в войне Советского союза против фашистской Германии. Те же хорваты воевали на стороне фашистов. Один «Хорватский легион» был разбит под Сталинградом. Мусульмане умудрились снарядить для Гитлера дивизию СС.

И уж совсем никакой правды нет в информировании россиян о событиях в современной Югославии. Мне повезло, – на моем пути встретились два замечательных человека – русский патриот Сергей Бабурин, и сербский патриот Живко Николич. Они не только влюбили меня в Сербию, заставили заново открыть эту удивительно добрую и красивую страну, изучить ее героические страницы истории, но и открыли глаза на всю ту неправду, которую сотворили вокруг Сербии американцы и их сателлиты. Сотворили ради одного – обо-

лгать честный и ни в чем греховном незапятнанный народ, отнять у него свободу, независимость и право дружить с Россией. Сегодня появился еще и третий человек, чья любовь к Сербии прожигает мое сердце, чье отважное поведение, поездки в Сербию и выступления в российской печати с обличительными заявлениями заставляют устыдиться слабости и беспомощности России на Балканах. Этот человек – великий наш писатель, хранитель русского слова Василий Иванович Белов. Мне еще горше становится, когда я вижу, как тысячи писателей и тысячи политиков боятся не то что ринуться в Сербию и поддержать дух братьев по духу и крови, но и возразить официальной правительственной точке зрения о невмешательстве в югославский кризис. Они не перечат. Писатели, любящие ласки и премии кремлевских властей. Политики, жаждущие получить одобрение сверху... А он один такой – принципиальный, смелый, умеющий отстаивать свою точку зрения. Так было и при импичменте президента Ельцина. Он один из писателей пришел в Государственную Думу, несмотря на болезнь, на запреты врачей, и сказал с трибуны парламента, что Ельцина надо судить. Потом многие деятели культуры и искусства незаметно благодарили его за откровенность и смелость.

Белов, видимо, почувствовал мои сокровенные мысли о Сербии и произнёс как-то отрешенно:

– Предаем мы сербов. Но сербы все понимают. Они говорят, наши сегодняшние беды и страдания оттого, что Россия

слабая.

Вскоре Белов предался другим раздумьям. Начал критиковать беспомощность Ельцина... А я стал расспрашивать его о моем любимом поэте Николае Рубцове, с которым писатель имел давнюю дружбу. Белов неохотно говорил. Я решил прочесть несколько стихотворений Рубцова, те, что знал наизусть.

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен.*

– Откуда ты знаешь Рубцова так хорошо? – спросил Белов.

Пришлось не Белову, другу поэта, рассказывать о значительности поэзии последнего гения русской словесности, а мне самому. Про сборник стихов Рубцова, который я всегда беру с собой в любую командировку, я не решился сказать ему. Беседа о поэзии была на редкость интересной, не дежурной. Зная хорошо творческую биографию Белову, да и его самого, я только в самолете узнал о том, что он пишет стихи, и его первая книга была именно поэтической, под названием «Деревенька моя лесная».

– Писатель все должен писать: и стихи, и пьесы, и романы, – наставлял меня собеседник.

– А что, Вы и пьесы пишете?! – удивился я, и понял, когда

тот кивнул головой, что не так уж и хорошо я изучил творческий путь одного из самых читаемых писателей России.

Так в разговорах и долетели мы до Белграда.

... В машине, мчавшейся по узкой заснеженной дороге в расположение сербского военного штаба, слышался настойчивый голос подполковника Чумакова.

– Вы зря, Василий Иванович, думаете, что мы не на стороне сербов, – приставал он к Белову. – Мысленно мы с сербами. И в конфликт не вмешиваемся только потому, что мы миротворцы, мы должны разъединять враждующие силы.

– Да что ты оправдываешься, у военных есть приказ, и этим все объясняется, – поддержал его Сергей Глов. – Тебе то же и белорусские генералы сейчас скажут. Миротворцы должны быть миротворцами.

Депутаты Верховного Совета Республики Беларусь до политики тянули армейскую лямку, занимали крупные должности. И с Гловым, конечно, тут же согласились.

– А кто же помогает мусульманам?! – возвысил голос Белов. – Почему ООН закрывает глаза на поставки оружия в Боснию? Слушайте, что пишут в белградском еженедельнике «Правда» о конкретных цифрах продажи оружия для боснийских мусульман и Хорватии. С апреля 1992 года по апрель 1994 года из Саудовской Аравии отправлено оружия на сумму в сорок миллионов долларов, из Ирана – на сумму в тридцать пять миллионов, Египта – на двадцать пять миллионов, Ливии – на пятнадцать миллионов, Турции – на восемь

миллионов. Преуспели здесь и европейские страны, почти по десять миллионов затратили Словения, Швейцария, Германия. Поскромничали Австрия (два миллиона) и Италия (один миллион). США чаще оказывали помощь через ЦРУ.

Белов сложил газету и передал ее подполковнику. Потом достал еще одну газету, уже российскую, под заголовком «Завтра» и тоже передал собеседнику.

– Эту патристическую газету мы читаем, – бодро признался Чумаков. – Редко только попадает. Привозят с оказией из России. Выписанные газеты нам и то не всегда доставляют.

– Не наседайте на подполковника, – вступил в разговор Бабурип. – Заставляете его нести ответственность за все правительство. А он-то тут причем? Ругайте лучше президента, не способного оценить трагедию и принять трезвое решение.

– Да у меня к нему нет никаких претензий, – вздохнул Белов. – Даже депутатов не ругаю...

Смех Бабурина, кажется, всех успокоил. Действительно, нам всем снова стало жалко подполковника. Начнем ругать власть за предательскую политику, а виноватым выходит рядом сидящий офицер.

– Не переживай, – успокаивающе похлопал по плечу десантника Глотов. – Василий Иванович других имеет в виду.

– Я не переживаю, – отозвался Чумаков. – Просто не хочется, чтобы у Василия Ивановича была односторонняя информация о наших военных. Мы часто читаем его статьи... У нас в батальоне его все знают, уважают. Когда слышали,

что он приезжает, так возгордились. Не хочется, чтобы он думал о нас плохо.

— Да хорошо я о вас думаю, — заключил, успокоившись, Белов.

Но теперь не успокаивался подполковник:

— У нас, правда, не все офицеры понимают ситуацию. Я им говорю, что здесь, в Сербии, сегодня идет битва за Россию. Американцы сегодня ополчились на Сербию, а завтра бросятся на нас. Некоторым это все равно. Деньги хотят заработать. Вот и зарабатывают их здесь. Молчат. Пытаешься объяснить им, они огрызаются. Я говорю офицерам: будут у нас машины, но приедем домой, а там, как в Сербии, война... И нет машин. Сгорели. Опять молчат, дуются. А я им говорю: даже волки, когда горит лес, вытаскивают своих волчат. Спасают. Вот и мы должны подумать, если не о себе, то о детях, о будущем.

Все в машине притихли. Откровения подполковника хватали, как огонь, за душу. Я был уверен, что всем моим коллегам в эту минуту хотелось пожать руку замполиту Владимиру Чумакову. Перед нами предстал настоящий русский офицер, отчетливо осознающий, кто виноват в балканской трагедии, каким боком выйдет для России ее никчемное поведение здесь. Страдающая душа офицера изнывала от боли... И мы, депутаты, тоже повинные за немоту, обуявшую родную страну, вместо покаянных слов говорили дежурные речи. Нам наконец-то встретился такой офицер, от слов кото-

рого бежали мурашки по коже. В России, в воинских частях, офицеры еще не осознавали надвигающихся туч, беды, сотворенной идеологами «нового мирового порядка». Зато в Сербии у них открывались глаза и приходило ощущение беды, тревоги за Россию.

– Я своих солдат в церковь вожу, – продолжал Чумаков. – Пошлю пятьдесят человек и говорю им: не хотите – не верьте, но послушайте песнопения... Вслушайтесь в слова, в молитвы. Приобщитесь к истории. Вы должны знать, что ваши деды верили, они так жили.

Чумаков выглянул в окно машины. Видимо, узнал знакомые постройки. Мы подъезжали к назначенному месту встречи.

– Сергей Николаевич Бабурин прав, – подытожил он. – Это высокие политики виноваты... С них спрос за Сербию. Мы делаем все, что можем.

Он как-то неловко помолчал, оглядывая сидящих, и выдал из себя признание, которое явно не хотел делать:

– А сербам мы помогаем все равно. То патронов подкинем. Спихем их на тренировочные стрельбы, и отдадим сербам. То миномет подбросим. Скажем, постреляйте, но не забудьте утром вернуть. То дадим на время противотанковую установку «Малютку».

Тут мы не выдержали и бросились обнимать и хлопать подполковника по плечу. Машина была тесной, но мы чувствовали себя вольготно и бодро.

Рассказ десантника из «Русбата» я тут же записал в блокнот. «Для истории», – пояснил Белову. «Правильно!» – подержал он.

В расположении сербского штаба Сергей Гловтов неожиданно спросил меня:

– Ты чего там все пишешь в блокнот?

Мы сидели в небольшой комнате, скромно обставленной мебелью, и ждали генерала. По военному времени обстановка и порядок были сносными. На переднем столе оставалась чья-то неубранная после обеда посуда. Чтобы никто особо не обращал внимания на мой ответ, я произнес тихо, но с определенной долей уверенности: «Никто ведь из журналистов не напишет о том, как великий русский писатель приехал в Сербию разделить их горькую участь, а я напишу. Никто не напишет, как прозревают в Сербии русские офицеры и как они мужественно ведут себя, а я напишу». Гловтов возразил, так как против наших российских миротворцев и так, мол, развернулась кампания дискредитации, их обвиняют, что они часто выступают на стороне сербов, помогают им переправлять военную технику, дарят горючее, выходят из подчинения командования «голубых касок», а тут еще ты напишешь про «Малютку». Я ответил, что нам еще долго придется учиться у американцев, снабжающих мусульманскую армию огромным количеством вооружения, как надо защищать свои национальные интересы.

Белов все же расслышал ответ. И тут же по-своему отре-

агировал: «Мне стыдно за Россию, потому я здесь!».

Вскоре в комнату вошел знакомый уже нам генерал Милошевич. Он не имел никакого родственного отношения к президенту Югославии Слободану Милошевичу. Просто, как он пояснил Бабурина, в Сербии часто встречается эта фамилия. Перед обедом с сербскими офицерами он собирался доложить нам обстановку.

Доклад Милошевича заслуживал внимания. Я пожалел, что подполковник Чумаков вынужден был оставить нас около сербских позиций и уехал, не услышав интересных фактов. К вечеру мы должны были заехать еще раз к нашим миротворцам. Они просили Сергея Бабурина выступить перед ними.

Переводчик работал легко. Сербский язык порой очень напоминал наш. Некоторые слова походили на русские, но большинство все-таки были трудно понимаемы. Потому переводчик выручал и нас, и генерала, чеканящего слово за словом.

– Наш корпус занимает сложную зону обороны. Самые сильные силы врага здесь. По нашим данным, семьдесят тысяч мусульманских солдат здесь. Мы защищаем внешнее кольцо Сараево. Нас атакуют изнутри и с внешней стороны. Иногда даже улицы разделяют мусульман и сербов. В самом городе воюет около десяти тысяч моджахедов. Недавно жаркие бои были в местечке Горбовиц. Здесь погибло шестеро русских... Хорошие бойцы. В наших руках шестьде-

сят процентов промышленных предприятий Сараево, в том числе энергетика. На аэродроме французский батальон сейчас стоит. Аэродром всегда наш был. Но его оккупировали международные силы ООН и теперь пользуются им только мусульмане. А он наш. Мусульмане прокопали тоннель к аэродрому. Им блокада США не страшна. Фактически блокады нет. Сделано это под эгидой международной организации ЮНПРОФОР. А копали тоннель мирные сербы, захваченные мусульманами в плен.

Рассказ генерала дополняют сербские офицеры. Они охотно откликаются на предложение Сергея Бабурина прояснить ситуацию вокруг санкций против Союзной Республики Югославии, деятельности Контактной группы по Боснии и Герцеговине. Перед нами вновь воссоздаются эпизоды и картинки происков идеологов «нового мирового порядка» и США, жаждающих после уничтожения СССР развалить и уничтожить Югославию. На карте-схеме раздела Боснии, созданной международной контактной группой, видно, что сербам должно было отойти сорок девять процентов территории, а мусульманско-хорватской федерации – пятьдесят один процент.

Генерал Милошевич дал свои пояснения:

– Мы не могли принять план, по которому у нас отнимают наши плодородные земли и выход к Адриатическому морю, гидроэлектростанции и рудники. Не только Президент Караджич, но и все сербы поняли, что предлагаемые карты

означают исчезновение Республики Сербской и Республики Сербская Краина. Нас вначале разделили, а теперь по оди-ночке решили прихлопнуть, и все наши территории отдать врагам. Народ на референдуме, вы знаете, отверг этот план. Милошевич в Белграде объявил нам, своим сербам, санк-ции. Мы – в кольце. Блокада от Белграда и США. Мы готовы не воевать, а идти на уступки, к миру, но по справедливому договору. Америка нас бомбами не запугает.

Знакомство с сербами давно убедило нас, что они не бо-ятся умирать за родину. Мы уверовали и в то, что не по вине сербов не сработал мирный план урегулирования конфлик-та... После референдума в переговорах с контактной груп-пой они все-таки нашли взаимопонимание... Хорваты уже одобрили план. И мусульмане склонялись к его принятию. И тут американцы вдруг ни с того ни с сего начали грозить сербам бомбежками. Конечно, мусульмане-боснийцы стали проявлять ненужное упрямство. Они нарочно начали требо-вать для себя не пятьдесят один процент территорий, а пять-десят восемь. Лидер мусульман Алия Изетбегович выступил с заявлением: «Мы согласны на формулу 51–49 при одном условии: если мусульмане и хорваты сами начертят карту». Это предложение было отходом от прежней линии и к тому же заведомо неприемлемым для сербов. Так идею мира по-хоронили на время.

После Сергея Бабурина в разговор вступил Василий Бе-лов. Он поинтересовался причинами очередных каратель-

ных бомбардировок НАТО сербских позиций. Мы поддержали его вопрос, так как уже знали, что американские крокодилы недавно бомбили сербов в Краине, а теперь и в Боснии, там, где мы находились.

Оказывается, и здесь американцы проявили свою гнусную сущность, которая на дипломатическом языке называется «двойные стандарты». Американцы позволяли мусульманам из города Бихача, территория которого была объявлена зоной безопасности, нападать на сербов. Сербь терпели. Но когда мусульмане перешли из Бихача в атаку, сербы отбросили их и перешли в наступление. Тут сразу появились вездесущие американцы, они вспомнили про «зону безопасности» и стали наказывать за ее нарушение не мусульман, а сербов. В седьмой раз обрушили на их головы бомбы.

Этот рассказ сильно расстроил Белова. Я заметил, как он мрачно качал головой, хватался рукой за грудь. Порой трудно дышать было и мне. Грудь сковывал ужас происходящего. Но впереди нас ждал еще один трагический рассказ о том, как американское прикрытие продолжало помогать мусульманам убивать сербов, а командующий «голубыми касками» Майкл Роуз вынужден был восстать против этой несправедливости...

Случилось это на горном хребте Игман. В ночь на 6 октября 1994 года мусульманские войска захватили и вырезали там сербский пост из двадцати солдат. Среди убитых были четыре девушки-санитарки. Зверское убийство произошло

не в районе боевых действий, а в демилитаризованной зоне, которая находится под контролем «голубых касок». Здесь не имеют права стрелять ни сербы, ни мусульмане. Генеральный секретарь ООН Ясуси Акаси направил президенту БиГ А. Изетбеговичу резкий протест в связи с этим преступлением. Последний вместо выражения скорби потребовал от Акаси извинений за якобы неадекватную оценку происшедшего. И тогда Майкл Роуз пошел на беспрецедентный шаг — он вытеснил с горы полутысячную мусульманскую бригаду.

В итоговой речи руководитель парламентской делегации Сергей Бабурин использовал последний сербский рассказ, пожелав сербам вытеснить мусульман со всех оккупированных ими территорий. Отбросить всякую жалость и уничтожать натовские самолеты, нарушающие воздушное пространство Боснии.

Про сбитый самолет мы слышали еще в Москве. И успели даже у здания посольства США выразить восхищение смелостью и отвагой сербских воинов.

Бабурин раскритиковал одностороннюю предвзятую позицию США на Балканах. Всему миру и США в том числе, известно, например, что мусульманский военный анклав- крепость Горажде давно является главным арсеналом врагов Республики Сербской. Известно, что под прикрытием миротворцев ООН там действует крупное предприятие по производству оружия. Мусульмане получили возможность вооружаться, и затем нападать на сербов. И когда боснийские сербы попы-

тались обезопасить свою жизнь и ликвидировать очаг смертельной заразы, то на помощь мусульманам кинулись натовские бомбардировщики.

Российским депутатам известно и то, почему американские политические громилы настаивали на снятие с должности командующего миротворческими силами Роуза. Просто в натовские планы не входило поражение правительственной мусульманской армии в Горажде весной 1994 года. И когда правительство Изетбеговича после провала наступления осенью прошлого года под Бихачем обвинило генерала Роуза в симпатиях к сербам, американцы решили расстаться с неуправляемым генералом. А ведь Роуз в буквальном смысле создал условия для возвращения мира на боснийскую землю. Только такой мир не нужен был ни США, ни мусульманам. Они жаждали своего мира, при котором у сербов не будет ничего – ни земли, ни свободы.

В беседу Бабурина с сербскими офицерами незаметно вклинился Белов. Он встал, плотнее придвинул к столу стоящий перед ним стул и, упираясь в край стола, начал, пристально глядя на генерала Милошевича, возмущенно говорить об Америке, превратившейся в мирового жандарма. Седая голова генерала вросла в плечи. По всему было видно, что слова русского писателя пришлись ему по душе. После встречи я понял, почему он столь внимательно относился к каждому слову писателя. Книги Белова не раз переводились на сербский язык, и он их всегда с интересом читал.

Из-под пиджака Василия Ивановича выглядывал светло-коричневый свитер, наглухо закрывающий горло. В помещении люди так надышали и накурили, что ему не хватало воздуха, и он при разговоре то и дело отодвигал от горла край свитера. В руках он держал толстый бумажный сверток. В нем лежали, по его признанию, авторские книги. Подарки предназначались сербам. И потому я частенько нашептывал автору, что пора бы и подарить несколько экземпляров генералам. Однако Белов упрямо твердил, что везет книги президенту Радовану Караджичу.

Несколько раз он вспоминал картины разгромленных городов. Не оставляли его в покое площадь, усеянная стреляными гильзами, брошенная детская коляска, нагруженные всяким скарбом телеги и едва поспевающие за ними голосящие женщины. И вновь Белов бесцеремонно ругал американцев, которые способствовали распаду СССР, а затем, воспользовавшись кризисом в России, добились введения санкций против Югославии.

– Им удавалось в обход санкций наращивать военный потенциал мусульман, а это недопустим в политике, – резонно заметил Бабурин.

– США уже давно по воздуху поставляют в Бихач оружие, – продолжил один сербский генерал. Он был в военной форме, его голова, остриженная под гребенку, перебинтована.

Бабурин и Белов ничего не ответили на эти слова. Гене-

рал подождал и стал сердито пересказывать историю с переброской оружия противнику. Недавно наблюдатели ООН стали замечать в районе тузлинского аэропорта грузовой самолет С-130. Его сопровождали два истребителя. Солдаты ООН решили пройти на летное поле и посмотреть на самолет. Но мусульмане не пустили их туда. Интересно, что и радары НАТО, ведущие контроль за закрытым воздушным пространством Боснии, никаких летающих объектов не засекли. Наши разведчики узнали, что грузовой самолет не сел в Тузле, он на низкой высоте сбрасывал груз, напичканный оружием.

Генерала сжигала ярость. Загорелое сербское лицо выдавало его взволнованность и решительность. Для своих сорока-сорока пяти лет он был моложав и легок в движениях. Я оторвал от него взгляд и посмотрел в окно. Впереди виднелось белое здание с заколоченными изнутри окнами. Оно напоминало ослепленный призрак. В стене зияют отверстия от пуль, одни очень аккуратные, как шляпки гвоздей, другие словно воронки...

– Американцы прилетели в Сербию защищать мусульманско-хорватскую федерацию от сербов. Они смотрят сквозь пальцы на то, что весь исламский мир активно помогает боснийским мусульманам.

Белов, терзаемый чувством негодования, тяжело вздохнул, поворчал и наконец-то произнес:

– Пусть наша Дума поактивнее жмет на правительство, а

те на Совет Безопасности... Надо запретить мусульманским войскам использовать «защищенные зоны» ООН в качестве плацдарма для постоянных нападений на сербов.

Генерал Милошевич обрадовано кивнул головой. Из-за его спины послышался голос офицера:

– Недавно мусульманские войска снова воспользовались так называемыми «зонами безопасности» и повели широкомасштабное наступление против армии боснийской Сербской республики.

Белов сердито нахмурил брови. Оглядев всех острыми тоскующими глазами, он вновь медленно поднялся из-за стола и, обратившись к Бабурину, отчетливо сказал:

– Сергей Николаевич, мы же видим здесь, как НАТО наносит ракетнобомбовые удары не по нарушившим статус «зон безопасности» мусульманам, а по сербским позициям. Так бывало и в предыдущих случаях. Значит, надо потребовать прекратить бомбардировки...

– Прежде чем чего-то требовать от имени России, нам надо у себя во многом разобраться, – Бабурин достойно держал ответ. – Избавиться, например, от политики Козырева, вечно обвиняемого в проамериканизме... По вине таких дипломатов российская политика не раз попадала впросак из-за своей близорукости и двойственности... То жаждем укрепить позиции на Балканах и посылаем сюда под флагом ООН свои миротворческие силы, а то вынужденно делаем кислую мину, когда без согласования с нами натовские самолеты бом-

бят сербские позиции в Горажде.

— Без нас сербам будет совсем худо, — отрешенно промолвил Белов.

— Вот здесь депутаты сидят, — показал в нашу сторону рукой Бабурин. — Вместе мы обязательно внесем необходимый проект постановления в Думу. Если бы только в наших силах была возможность влиять на ООН... Сегодня на наших глазах произошла подмена Совета Безопасности ООН руководящими органами блока НАТО. Сергей Глотов, как руководитель нашей фракции «АнтиНАТО», готов подтвердить и доказать с фактами в руках, что ООН превращается в рупор тех же сил, что руководят и НАТО. Почему молчит мировое сообщество?! Непонятно. США подчиняют своему влиянию всю планету. Как вы думаете, для чего США поддерживают мусульман Боснии? Уверен, они стараются перед мусульманским миром частично компенсировать свои тесные связи с Израилем. А почему ООН направляет турецкие войска на сербские территории и тем самым отходит от традиционных принципов, согласно которым соседним с районами конфликтов странам не разрешается принимать участие в миротворческих операциях?! Опять же потому, что США диктуют... И генсек ООН Бутрос Гали в марионетках у них ходит.

В эти минуты у нас у всех на душе было смутно, в глазах — тоска. Все жаждали быть героями, найти тот надежный и единственный путь выхода из сложившейся трагедии, под-

вергнуть обезумевшую Америку справедливому наказанию. Жаль, не по плечу нам эта миссия. А делать что-то надо...

Белов сложил руки на столе, съежился, втянув голову в плечи. Лицо гасло в старческих усталых раздумьях. Но душа бунтовала. Не желала жиром равнодушия заплывать.

– Сергей Николаевич, Вы молодчина... Слово ваше правильное. Но я одно знаю, сербы искренне готовы положить конец войне. Давайте подумаем, как им помочь...

Мне не хотелось, чтобы слова Белова остались без поддержки, чтобы наше сочувствие сербам угасло и не дало никакой надежды. Неподвижные, хмурые белорусские депутаты долго переглядывались, видимо, собирались что-то произнести, но так и не решились. Тогда я вспомнил про боевой дух сербов и сказал, что их вера в победу гораздо сильнее бомбардировок натовской авиации. Попробовали бы американцы сунуться не воздушными путями, а сухопутными... Боятся. Знают: сербы в полевых условиях перестреляют их. Я еще в прошлый приезд в Сербию понял, что все эти американские бомбежки возымеют эффект обратный ожидаемому. Боснийские сербы после этого варварства никогда не прекратят наступление. Наоборот, усилят его. Так, кажется, и было в районе мусульманского анклава Бихач. А теперь я слышал, что Радован Караджич на встрече с Роузом пригрозил началом военных действий против миротворцев ООН. Так как Клинтон стал тут же звонить Ельцину, значит, струхнул. И совсем уж они перепугались, когда угроза оказалась в

действии, и сербские формирования захватили в центральной Боснии 55 канадских миротворцев. Американцы, к сожалению, только силу уважают. Дай Бог сербам выдержать весь этот ужас бомбардировок и победить. Победа должна быть за сербами!

– Дайте нам С-300, и победа будет у нас с вами уже завтра, – улыбнулся генерал Милошевич.

Тут и наша делегация повеселела. Действительно, будь у сербов современные ракеты, не бомбила бы авиация НАТО аэродром Удбина в республике Сербские Краины, и про «дерзкий акт вандализма» говорил бы не президент Сербских Краин Милан Мартич, а президент Клинтон, самолеты которого не вернулись бы в Штаты.

Пожелание обрести новые виды вооружения было лучшим заключением нашей беседы с сербскими военными.

Через двадцать минут нас ждала встреча с русскими добровольцами. На этом настоял Белов. И Милошевич еще утром обещал Бабурина разыскать по окопам наших соотечественников и пригласить на разговор по душам. Но подполковника Чумакова с нами не будет. Он сказал, что ему нельзя... Мы не стали уточнять, почему.

Первое упоминание о сражающихся в Сербии русских добровольцах пришло ко мне с известием о появлении в Белграде, в церкви Святой Троицы, мемориальной доски с именами погибших русских... На ней так и было написано: «Пали за сербов, 1992–1993». Перед тем, как посетить год назад

этот храм, я спросил у Сергея Бабурина, все ли здесь правда. Так как мы ехали в тот день как раз в церковь Святой Троицы, то он ответил, что у меня сейчас будет возможность все увидеть самому.

В истории много примеров, когда русские воины приходили на помощь сербам отстаивать их свободу и независимость. Сражались они вместе плечом к плечу и в годы первой и второй мировых войн. Я подолгу стоял около ухоженных могил отважных русских воинов, лежащих в сербской земле, и думал о том, что судьба у нас неразрывна, что эти русичи не посрамили своей родины и навечно влюбили сербов в Россию.

Рядом с мемориальной доской я увидел в храме надгробие похороненного здесь последнего верховного командующего армией и флотом юга России барона Врангеля. Немота сковала мои губы, и как ни пытался восторг души вырваться из груди, она не дала хода эмоциям. Генная память перебудоражила меня, она доставала из непонятных глубин те исторические эпизоды, о которых, как мне казалось, я забыл со школьных времен. Откуда только во мне проснулись великодержавные чувства... И гордость за воинов Деникина и Врангеля, построивших здесь без фундамента храм, и за самого барона Врангеля, который почему-то именно в Сербии нашел свой последний приют, и особая гордость за ребят, моих современников, сложивших головы за ту Сербию, которую я полюбил уже навечно.

Через некоторое время после пережитого я снова пришел в храм к мемориальной доске... Поставил свечи вместе с Василием Беловым. И наши свечи горели у могилы барона Врангеля и у мемориальной доски с именами погибших русских добровольцев вместе с лампадами, принадлежащими семье Родзянко, последнего председателя Государственной Думы Российской Империи.

При чтении фамилий погибших захватывает дух. Я вижу по дрожащим губам Белова, как он ведет пересчет русских добровольцев. Насчитал десять фамилий. Все молодые. У каждого остались в России родители, друзья.

– Они отстаивали честь России, – прошептал он. – Все десять – мученики за Россию. Погибли за Сербию, а спасли честь России.

Слова Белова были понятны. Мы уже говорили с ним о предательстве Сербии официальными властями России. Оправдывались и перед сербами. Это, мол, не мы, не простые граждане страны, сморим в рот Америке, заигрываем с ней, поддакиваем, и не требуем, как положено, прекратить вмешательство в боснийские дела. Это не мы, а ельцинские чиновники, вскормленные западными ценностями, оставили сербов один на один с бедой и против всего озлобленного и обманутого мира.

– Помнишь, Анатолий, героя романа Льва Толстого «Анна Каренина» Алексея Вронского? – неожиданно спрашивает Белов.

– Помню, – говорю я.

– Прообразом его стал русский полковник Николай Раевский. Легендарная личность. Доброволец. Храбро сражался в войне с турками летом 1876 года. За храбрость сербы его свято чтут. Он погиб в бою под городом Алексинац. Вместе с ним были его друзья, которые также оставили спокойную жизнь в России и отбыли сражаться за Сербию. Многие из них также погибли. Точно как эти ребята. Или точнее, эти ребята погибли как Николай Раевский. Те сложили головы в праведной освободительной борьбе против Османской империи, а эти – в борьбе с мусульманами, позарившимися на чужие земли, и американскими идеологами «нового мирового порядка».

– Сербы говорят, что у них есть памятник Раевскому?!

– Это его сестра графиня Мария Раевская после смерти на месте гибели воздвигла церковь.

Настоятель храма протоиерей Василий Тарасьев, называющий Белова не иначе как глубокочтимый, признался, что мысль увековечить память о русских парнях-богатырях пришла ему в голову сразу после их героической смерти. У отца Василия интересная судьба. Старший Тарасьев – дворянин древнего рода, сын генерала русской армии. В прошлый мой приход в храм мне довелось поговорить с отцом Василием о судьбе их семьи, о том, как отец воспитывал его в русском духе, запрещал изучать чужой язык, и всегда повторял: «Родиться русским мало. Им надо стать, им надо быть». Обще-

ние с протоиереем оставило тогда неизгладимое впечатление. Как и встреча с настоятелем храма на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа во Франции. Оба они являли собой истинных хранителей памяти доблести и духа русских патриотов, вынужденно покинувших родину и оставшихся верными ей на чужбине. За каждым из них подвиги во имя России. И об этих подвигах, помнится, увлеченно рассказывал протоиерей отец Василий. Показал он нам с Беловым и свою коллекцию русских наград. Тут хранились ордена и медали за победу над турками и французами, за Ледяной поход и покорение Кавказа. Увлеченно рассказывал отец Василий про кортик корнета Салье времен первой Отечественной войны, про знамена русских полков, которые пропали странным образом после того, как их вывезли советские воины в 1944 году. Однако больше всего священник рассказывал нам с Беловым о трагических событиях сегодняшнего дня, о тех, чьи имена вписаны в белый мрамор, – о современных русских добровольцах.

– Бытует несколько несправедливых мнений об этих ребятах, – спокойно продолжал говорить протоиерей Тарасьев. – Будто они приехали воевать за деньги. Платят им якобы по тысяче долларов за каждую боевую операцию. Это неправда. Чудовищная ложь, придуманная врагами сербов. Им хочется испачкать грязью правое дело, добрый порыв постоять за православных братушек. Они представляют их наемниками, обвиняют в том, что они якобы втягивают Россию

в войну, дают американцам повод обвинять Россию в соучастии в войне. Это тоже все не соответствует действительности. Они достойные России сыны. Россия должна ими гордиться. Неправда и то, что они уголовники, сидели в тюрьмах и теперь вот сбежали сюда разбойничать.

Священник сделал паузу в разговоре, пристально посмотрел на мемориальную доску, перекрестился и добавил очень важные слова:

– Все ребята, приезжающие из России, заходят, как правило, в нашу церковь. Заходят помолиться, причаститься, за советом, с просьбой передать весточку... В августе 1993 года ребята, воевавшие, кажется, еще в Македонии, привезли в церковь на хранение свое знамя – знамя русского добровольческого отряда-2. Они признались мне, что воюют за веру, за братушек-сербов. Сербь вообще ценят русских за храбрость и отвагу. Их бросают на самые опасные участки. Посылают за линию фронта. Многие погибли, но никто не посрамил своего имени. Я молюсь за них, за всех.

Осмотр знамени не занял у нас две минуты. Молодые православные ребята выбрали для своего отряда монархическую символику – черно-желтобелый штандарт. Точно такого цвета знамя мы с Беловым увидим и в Сараево у третьего русского добровольческого отряда.

Выходя из церкви Святой Троицы, мы с Беловым обменялись мнениями: мол, как это важно для ребят, что церковь молится за них. И они для настоящих русских людей всегда

будут не наемниками, а последователями Николая Раевского. В наше время, когда официальная Россия оставила сербов на растерзание, и никому не позволяет возвеличивать подвиги добровольцев, как это было во времена Раевского, пусть хоть церковь помолится за них, и тогда эта молитва внесет правду в историю, ибо нынешние добровольцы еще в более сложных политических и военных условиях спасали в Сербии честь России.

– А где можно встретиться с кем-нибудь из русских ребят? – робко спросил напоследок Белов.

– Чтобы увидеть ребят, надо ехать, глубокоочтимый Василий Иванович, на передовую, в окопы. В окопах сейчас их жизнь.

Через пару дней русские ребята встретили нас на юго-восточной окраине города Сараево. Еще утром они стояли на дежурстве, а после обеда прибыли в назначенное место. В этом районе базировался РДО-3, то есть русский добровольческий отряд под номером 3. По представленным нам сведениям, отряд входил в состав Новосараевского четнического отряда Сараевско-Романийской бригады. Сербским отрядом командовал воевода Славко Алексич, а русским – уволенный в запас мичман морской пехоты Александр Шкрабов. Летом мичман, по прозвищу Саша-рус погиб во время атаки под Олово. До его смерти в отряде были и другие потери – погибли Виктор Десятов, Александр Бочкарев, Анатолий Астапенков. Благодаря русскому отряду, этот район, окру-

женный с трех сторон мусульманами, принадлежал сербам. Просьба генерала Милошевича вести себя здесь осторожнее имела под собой веские основания. И мусульмане, и сербы превратили этот район в постоянное место для наступлений, атак, диверсий, засад.

Здесь район частных домов прозябал в тишине под легким, неведомо откуда падающим редким снегом. Яркий дневной свет разливался по всей округе. Отчетливо, как на картинке, были видны каждый дом, каждый сад, каждое дерево. Не просматривалось только небо. Вместо него над нашими головами раскинулась бездна. И эта сплошная белая бессодержательная пустота делала город, несмотря на мертвую тишину, сказочно красивым. Выпавший снег на улицах и дорогах никто не потревожил. Был он пышным, как вата, и цветом белее сахара, белее пены во время бритья.

Группа молодых парней, одетых в защитного цвета униформу, переговаривалась у сада, разделяющего две двухэтажные хижины. Одна хижина фасадом выходила во двор, а другая – в небольшой сад с щуплым кустарником.

«И никакой конспирации!» – радостно подумал я.

Мы двинулись к ребятам. Снег слегка проваливался под ногами и скользил. По краям дороги он бугрился, и тоже лежал чистым. Парни заметили нас, встрепнулись и с одеревеневшими лицами молча стали следить за нами. Чем быстрее уменьшалось между нами расстояние, тем больше они переживали. Думали, наверняка, о том, как мы, столичные де-

путаты, отнесемся к ним. Примем их за защитников сербов или посчитаем наемниками, о которых зло пишут некоторые московские газеты? Мне доводилось читать такие дешевые материалы. Особенно часто они появлялись почему-то в «Известиях». Даже подзаголовки говорили сами за себя – «Как вербуют русских наемников в Югославию». Никакого вопроса в конце предложения не стояло. Зато мифов и издевательств журналист преподнес несведущему читателю предостаточно. Герой статьи некий разорившийся фермер Сергей, хозяйство которого спалили и «раскулачили» в Подмосковье, уехал воевать в Сербию. Ему, монархисту, получившему за доблесть югославское гражданство и дом под Белградом, журналист приписывает такое признание: «Мы стреляем по живым мишеням не из-за денег. Лозунг «Вера, верность и Отечество!» для нас превыше всего». Да разве монархист, да еще исповедующий такой девиз, названный издевательски лозунгом, назовет людей, даже если они враги, живыми мишенями? Никогда.

– Здравствуйте, ребята! – непринужденно и располагающе обратился к добровольцам Сергей Бабурин. – Мы привезли Вам привет из России. У нас там холоднее погода, зато у вас здесь дни горячие.

– Здравствуйте! – откликнулись разноголосицей ребята.

– Спасибо, что откликнулись на наше предложение поговорить, – еще бодрее и увереннее сказал Бабурин.

Военные сразу оценили добродушие знакомого политика,

и их лица успокоились, просветлели. Лишь у одного широкоплечего солдата, более старшего по возрасту, сохранялось суровое и холодное выражение, а в раскосых глазах бегал пугливый огонек. Бабурин поздоровался со всеми за руку, подошел и к широкоплечему. Рядом с ним уже стоял Белов и бодро говорил: «Дайте мне хоть обнять вас, дорогие мои!». Тут «пал и последний бастион». Доброволец улыбнулся, распростер руки. Поздоровались со всеми и мы.

Тот же парень-крепыш взволнованно произнес первые слова:

– Нам сказали: идите, будет Белов! А мы не поверили... Игорь, ты говорил, что это все «байки».

Игорь оцепенел, будто встал над пропастью, поправил на поясе ремень, смущенно посмотрел на писателя. Сосед толкнул его плечом, ощущение неловкости постепенно прошло. Долговязый молодой человек с высоким загорелым лбом, ободряюще потряс руку писателя. Никто Белова не представлял – всем почему-то сразу стало понятно, кто в подошедшей группе живой классик литературы.

Белов оказался настоящим Беловым – небольшого роста, со скуластым лицом и белесой бородой. Для них это стало понятно с первых минут общения. А вот меня Василий Иванович удивил. Обычно он был немногословен и застенчив. Сегодня его словно кто-то «уколол», ввел в организм инъекцию бодрости и стремления быть в эпицентре внимания. Правда, он, совершенно ошеломленный таким вниманием,

все же сохранил хладнокровие и внешнее спокойствие,

– Скучаете по родному дому? – спросил Белов.

– Есть немножко.

– Бывает.

– А у меня дома нет, – сказал один из добровольцев.

– Как нет? – удивился Белов. – Дом, он у всех есть. Ты откуда приехал? Где твои родители?

– У меня и родителей нет, – не без некоторой неловкости вынужден был объяснить невысокого роста парень. – Родом из Красноярска. Жену и двоих детей, чтобы не преследовали, пришлось перевезти в другое место жительства.

– Как тебя звать?

– Юрий Шарапов, – нехотя представился парень. – Мой дом пока здесь. И во мне уже течет сербская кровь.

Никто из нас не стал спрашивать, почему в человеке, рожденном в сибирском городе, течет сербская кровь. Возникла неловкая пауза. Мы молча смотрим на Шарапова, а он на нас.

О некотором смущении Шарапова тут же догадался его друг, назвавшийся Андреем. Он тоже был невысокого роста, но плотного телосложения, с густыми бровями и веселыми серыми глазами. Андрей просто и бесхитростно рассказал о подвигах сибиряка, в том числе и про последний бой:

– Его только что привезли к нам из Пале. В госпитале лежал. Привезли вместе с канадцем. Он попал в окружение. Долго вел бой, убил в нем сто шесть моджахедов. Получил четыре раны.

Выходит, во время операций сибирскому парню не раз обменяли кровь.

Белов спросил про канадца. Оказывается, он тоже приехал воевать за установление справедливости в Боснии. То ли книг начитался, то ли его древние корни как-то связаны со здешними краями... А, может, все гораздо проще: взял котомку и пошел из дома в волонтеры, чтобы зло никогда не торжествовало над добром. Ведь здравомыслящий человек не может не понимать, что сербы воюют не за захват чужих территорий, а за землю, исторически им принадлежащую и политую кровью их отцов и дедов. Это только зомбированные обыватели воспринимают ложь о «кровавых сербах», учиняющих этнические чистки, за чистую монету. Тысячи лет сербы жили рядом, например, с цыганами, венграми и ни одного не убили. Проблемы с албанцами вышли из-за того, что они стали выживать и изгонять сербов с их земель. И русский, и канадец это давно поняли, и вот теперь вместе дерутся за правду сербов.

Взгляд Шарапова во время разговора стал напряженным. Ему, видимо, не хотелось, чтобы приезжие политики знали о его подвигах. Вдруг все не так изобразят в Москве? И что потом ожидать от их пересказов? Не дай Бог какая-нибудь нехорошая весть долетит до жены. Он замолк и отошел в сторону. Добрые человеческие чувства, исходящие от посторонних людей, занимали здесь второстепенное место, так как они могли подвести, разжалобить, развязать язык. Из-

вестно – береженого Бог бережет.

Смутные представления о канадском добровольце развеял Игорь. Тот, как я и предполагал, нашел Сербию по карте, взял оружие в руки и пошел убивать мусульман из уверенности, что их зло нужно наказать. Рассказал Игорь немного и о тех русских ребятах, что погибли и похоронены на сараевском кладбище. Зато рассказ о себе Игорь свел к нескольким скучным фразам. Приехал он из Норильска. И баста.

– Я был на том кладбище, – признался Белов. – Видел русские могилы. Постоял. Помолился. Вспомнил про убитого на войне отца... Долго искал его могилу, да так и не нашел.

Про кладбище на краю пологого склона Белов всегда вспоминает неохотно. Мне он рассказал о скромных могилах, на холмиках которых стоят кресты с прощальными словами скорби и любви, только после прочтения моей новой книги под названием «Информационная война». В ней ему понравился раздел «Сербия – первая линия обороны России». Самому мне ни разу не довелось добраться до священного клочка земли, ставшего последним приютом для дерзких и отважных сыновей России. Даже в то время, когда в Сараево приезжали по приглашению Президента Караджича родственники русских погибших ребят, судьба развернула меня в другую сторону Сараево.

Помолчав, вспоминая про погибшего отца, Белов все-таки вернулся мыслью к сараевскому кладбищу. Две свежие могилы до сих пор бередили его душу:

– Нашел я две могилы, где похоронены муж с женой. Она – медицинская сестра, он – солдат. Им бы жить и жить... А вы, ребята, крещеные, православные? Ходите в церковь, обязательно! Молитесь. Сербы сильны православием. И вы силу обретете.

– Мы православные, – гордо заявил Игорь. – Недавно с ребятами ездили в Белград в церковь.

– Среди нас воюющих за деньги вы не найдете, – сказал стоящий за спиной Игоря боец в черном берете. – Мы не наемники. Деремся за братьев сербов да за веру православную. Сербы умеют и жить, и воевать. У них есть чему поучиться. Кроме веры, у них ведь идея настоящая есть. Хотят освободить землю предков. За свободу воюют. А у нас в России что происходит? Какая идея, какая свобода?! Бардак! Ворье! Нет, лучше здесь погибнуть вместе с братом сербом, чем у нас от бардака...

Трудно было согласиться, что воюют они здесь только за веру. Но если они называют себя православными, идут в бой за веру, то кто имеет право отнимать у них веру? Им виднее. Так не легче, так ответственнее. Да в конце-то концов так и справедливее. Не за гроши же, выделяемые на бытовые мелкие расходы, идут смельчаки в бой?! Гроши, как и большие деньги, не заставят осознанно проливать свою кровь. Кто скажет, что для русского характерно воевать за деньги? Мне так и слышится этот вопрос Белова. Никто не солжет. Белов расспросил у сербских офицеров, сколько же наши ребята

получают динар... Узнал про гроши и обрадовался. Узнал, что сербским солдатам платят ровно столько же, порой и с задержкой всем вместе на полгода, – возгордился. Он понял, откуда у русского парня сербская грусть. Не зря и я встречал в печати высказывание журналистки Елены Калядиной о добровольцах, воюющих по политическим и идеологическим причинам. Раньше пересказывал эту статью Белову, а теперь решил рассказать ребятам, чтобы знали о том, что в России о них иногда и правду пишут. Она писала про 27-летнего Петра Малышева с иконописно-просветленным лицом, который никогда в армии не служил, но сюда, в Боснию, пришел защищать братьев по вере. Надоели ему митинги и всякая болтовня на патриотические темы, вспомнил он, как отец-охотник научил ружье в руках держать, и пошел воевать против обидчиков сербов.

По выражению лица Игоря я с чувством радости заметил, что слова мои произвели на него надлежащее впечатление, из области газетных вымыслов возвратив его в состояние суровой, но прекрасной действительности.

– Малышев погиб, – тихо произнес Игорь. – Три месяца назад.

– Здесь, в Сараево? – спросил Бабурин.

– Здесь, недалеко, вблизи Олово, есть высота. Сербь из ударного батальона «Белые волки» шли на штурм этой высоты. Ребята говорили, что Петр и двое сербов первыми ворвались в окопы, и мусульмане изрешетили их в упор. Бата-

льон около двух третей личного состава потерял.

– В газете написали, что он погиб. Не сообщили только как.

– Боятся героев, – резюмировал Бабурин. – О жуликах, об олигархах интереснее писать.

– А меня поразила одна история с профессиональным историком Михаилом Поликарповым, – сказал я. – Он вроде на год моложе Малышева. Аспирант МГУ. Надоело ему изучать югославский конфликт по книгам и газетам, поехал посмотреть все своими глазами. Взял в руки оружие. Как написал недогадливый корреспондент, «он говорил мне что-то о поруганном чувстве справедливости...». Разные у корреспондента и у человека, окончившего университет с красным дипломом, понятия о справедливости. Мне кажется, Малышев и пошел воевать перед началом учебы в аспирантуре, потому что историк не может быть необъективным. Чему он научит молодых людей? Какие учебники напишет?!

– Ему обязательно надо учить студентов! – заметил Белов. – У него истинные знания, практика... Есть чему научить. Найди его, подскажи, помоги.

– Петр Малышев тоже интересным человеком был. Как Денис Давыдов, до самозабвения любил лошадей. Одну даже дома держал, на своей московской квартире. Сербы называли его «рус Петер». В Сараево вы можете услышать много легенд о его бесстрашии.

– А какое оружие у вас есть, какое на вооружение у серб-

ской армии? – спросил Глотов.

– У сербов на ходу танки еще со времен советско-германской войны – Т-34, – улыбнулся Игорь. – Видел я и Т-80 или Т-82. У нас автоматы «Застава», с подствольными гранатометами. Они чем-то напоминают автомат Калашникова. Вот посмотрите... Но наш Калашников здесь лучше ценится, только я редко его вижу.

Кроме как у Игоря, больше оружия ни у кого не оказалось. Глотов внимательно осмотрел автомат. Не удовлетворившись ответом, он подошел к сопровождающему нас молчаливому сербскому офицеру и стал расспрашивать его о тяжелом вооружении сербской армии.

Игорь решил узнать о наболевшем:

– А правда, что Дума приняла закон о наемниках?

– Дума не принимала такого закона, – сказал Бабурин. – Наговорили вам тут ужасов...

– Газеты пишут...

В эту минуту взоры добровольцев устремились на Бабурина. Старший стал перечислять газетные страшилки, согласно которым наемники кочуют по всем «горячим точкам» мира, для них, жестоких и кровожадных, убивать людей стало не профессией, а образом жизни.

Тут Бабурин, как профессиональный юрист, задумался. Вспомнил про Женевскую конвенцию, по которой военнопленные наемники не могут рассчитывать на помощь своей страны, если окажутся в руках противника. Наверняка, ре-

бятя слышали что-то именно про эту конвенцию. Потому и считают плен хуже смерти. Сами рассказывают о том, как в бою у села Преловина во избежание плена Дмитрий Чекалин взорвал себя гранатами. Подобные случаи не единичны. Мусульмане не будут выявлять у русских пленных глубокую революционность их духа и жизнеощущения, они просто учинят пытки и расстрел.

– Закон против вас Дума принимать не будет, успокойтесь, – уклончиво сказал Бабурин.

– Незаметно сюда пробрались, незаметно и возвращайтесь, – прагматично посоветовал Сергей Глотов. – Мы слышали, что у вас обычный срок пребывания на боевых позициях – один месяц. Вот и не задерживайтесь. Вы дома живыми нужны.

Когда разговор вновь зашел о доме, и волонтеры его поддержали, Глотов неожиданно вспомнил и рассказал под общий смех анекдот:

– Сын приходит домой и говорит родителям: «Я участвовал в КВНе и выиграл. Отец спрашивает: «Какое задание было?». Сын говорит: «Назвать слово из трех букв». Мать стукнула сына и сказала: «Дурак!». Сын недоуменно произнес: «Я сказал – дом!». Тут муж взял ложку и стукнул жену по лбу: «Думай о доме, дура!».

...Время поджимало, и Сергей Бабурин дал знать, что пора прощаться.

Все поняли – надо прощаться, а никому не хотелось. Сто-

им мы, переминаемся с ноги на ногу.

– Поехали! – скомандовал Бабурин. – Нас ждут в «Русбате».

Рассеянные улыбки появились на наших лицах. Еще миг и нас, таких разных русских людей, встретившихся на сербской земле, уже и не собрать вместе. Не поговорить нам больше по-доброму о героях, о России и судьбе Сербии. Останутся ли живы, эти смельчаки? Что ждет их в России? Неужели мы не сможем хоть чем-то быть полезными им? Почему в России не найдется им орденов и медалей? Вопросы стесняют дыхание в груди. Хватаешься за последнюю мысль – история всё расставит по местам. Лишь бы ребята остались живы. Пусть земля на могильном склоне под Сараевом будет, как говорит Василий Белов, пухом для погибших и никогда не дождется новых гробов.

Последние секунды – это последняя фотография на память.

К Белову подошел взволнованный Игорь. Глаза его светились. Военная куртка нараспашку открывала длинную шею. Он снял со свежестриженной головы черный берет и протянул его писателю. Жаль, что у нас тогда в руках была не видеокамера, а всего лишь маленькая фото-«мыльница». Незапланированное решение. Волнительный момент.

– Это на память! – сказал он.

Белов растерялся. Скомкал в руке свою поношенную коричневую шапку и лихо надел набок подаренный, пропитан-

ный кровью и потом, с сербским значком-гербом, черный берет. Весело посмотрел на нас. Понял: товарищи одобряют, смотрят на него с гордостью.

В воздухе вился вечерний сухой снег. А дивное для здешних мест небо смиренно продолжало излучать белый свет.

Подарок русского четника доставил писателю какую-то беспокойную радость.

– Спасибо, – промолвил он наконец. И чуть тише, еще раз сказал: «Спасибо».

Два черноберетника стукнули себя в грудь кулаками, приветствуя таким символическим жестом прием известного писателя-патриота в свое военное братство. Я подошел к Белову и поправил заваливающийся на ухо берет. Белов тут же сдвинул его на прежнее место. Упрямство – известная черта характера Василия Ивановича. Жест его вызвал у Игоря улыбку.

– Правильно, Василий Иванович, берет надо носить вольно, – добавил он.

Белов выпрямился, выразительно поднял брови, и сказал пронзающие душу слова:

– Господи, если бы я был моложе, я бы с вами пошел воевать!..

Сказанное садануло нас будто разрывом бомбы. Вся печаль многострадальной, израненной Сербии вмиг отразилась в его глазах. Вначале я испугался, что он заплачет, потом испугался за себя – сдержусь ли сам от слёз?..

Было в этом признании одно тревожное неудобство – все мы задавались вопросом о личном участии на войне, но сказал об этом один он, старенький вологодский подвижник, книги которого переизданы во всем мире. Не сомневаюсь: он первым бы и пошел в добровольцы.

Надолго занозой воткнулся в мою душу слова Белова – он сожалел, что немощен, бессилен. Но немощной-то оказалась Россия. И за неё, онемевшую Россию, готов был идти сражаться Белов, один из самых ярчайших писателей России и мира, живой классик. Он готов искупить вину России за предательство ее дипломатии, политиканов и генералитета. И лишь глядя на молодых черноберетников, он успокаивался – есть еще в России воины. Добрые мысли о ребятах плавным порывом врывались и в мое сознание, сливались в искреннюю и радостную от своей искренности мысль: пока живы последователи Николая Раевского, жива и Россия.

Белов оттопырил ворот своего коричневого свитера и засунул туда руку. Сняв аккуратно и бережно с теплой груди нательную намоленную иконку, он сделал шаг к Игорю:

– Можно я подарю тебе, сынок, свою иконку, – сказал он. – Пусть она бережет тебя от пуль.

Игорь наклонил голову, и святой лик прикоснулся к его груди, стал его ангелом-хранителем.

– Спасибо, – теперь благодарные слова произнес он.

– Ну что ж, воля вольным, – глубокомысленно произнес Бабурин.

Мы быстро сели в машину и, растроганные, взбудораженные, уехали.

Водитель включил музыку. Это не понравилось Белову. Он терпел-терпел, а потом высказался: «Обтравили меня, как тараканов». Бабурин нажал на выключатель.

По городу гуляла тишина. Вместе с ней гуляла и смерть. Кого она найдет?.. Смерть беспощадна и неотвратима... Мы уезжаем от нее всё дальше и дальше.

Она остается вблизи волонтеров с черными беретами. Мы хотим, чтобы она обошла их стороной. Мы едем в наш русский миротворческий батальон, в «Русбат», который должен прогнать прочь смерть из Сараево.

Все улицы Сараево завешаны одеялами и простынями. Ощущение ярмарки или всемирной прачечной. Рядом с некоторыми домами возвышаются кучи из джутовых мешков с землей. Это посты десантников. Южную часть Сараево – зону ответственности «Русбата» – видно лучше. Мусульманская сторона просматривается гораздо хуже. Мешают висящие над узкими улицами гирлянды домашних тряпок. Над ними иногда понуро торчат обвалившиеся крыши домов. И в этих мертвых домах с зияющими черными провалами оконных глазниц живут люди.

– Для чего здесь одеяла развешаны? – спросил Белов.

– Защита от снайперов. Чтобы им было меньше «работы».

В машине сербский офицер говорит, что настало самое удобное время для охоты снайперов.

Помещение бывшей школы милиции, превращенное в резиденцию русских миротворцев, скрывает нас от дурных переживаний.

Небольшая экскурсия по зданию, осмотр солдатских казарм с кроватями, заправленными с женской тщательностью... Кухня. Широкие коридоры. Все те же бойцовские, патриотические лозунги. Подполковник Чумаков вновь вызывает чувство гордости и уважения. Он рядом. Знакомит с командованием. Самого командира нет, он в командировке. Вместо него – заместитель командира батальона. Непродолжительная протокольная беседа с ним. Рослый полковник, не мешкая, ведет делегацию в «красный уголок», в зал, где нас ждут, набившись, как селедки в банке, солдаты и офицеры в серо-зеленой формах и ярких тельняшках. По дороге открывается удивительный факт: Евгений Бочаров, наш генерал-лейтенант, недавний командующий пограничными войсками Республики Беларусь, узнал в заместителе командира «Русбата» советского офицера, с которым вместе служил в Афганистане. Верно говорят – тесна наша земля.

Здесь, вдали от родины, от парламентских баталий, офицеры знают цену словам и поступкам каждого политика. Знают и позицию Бабурина, не раз открыто заявлявшего, что сербы вправе восстановить сербское государство, что отверженными они стали благодаря слабости и предательству официального российского чиновничества. Знают, как сотрудники МИДа в 1992 году заверяли депутатов Верховного

Совета России в том, что Россия не присоединится к санкциям против Югославии, которые готовил Запад. Депутат Бабурин тогда бился с МИДом, он чувствовал предательство... И в июле 1993 года, действительно, МИД России, поправ закон, проигнорировал запрет Верховного Совета России и дал указание, послав соответствующую телеграмму, российскому представителю в ООН Ю. Воронцову поддержать в Совете безопасности акции против сербов.

Звучит команда: «Товарищи офицеры!». Незнакомый подполковник, сидящий в зале, приветствует полковника и Сергея Бабурина, и всю нашу делегацию.

Пока полковник нас представляет, рассказывает о задачах батальона, я рассматриваю сидящих в зале. Получше других успел разглядеть полковника – подтянут, широк в плечах, покатый лоб, реденькие волосы, выбритое лицо, поджатые губы, нутужный голос... Бодрый голос Чумакова оторвал меня от наблюдений:

– Надо ходить на выборы, – говорил он, зажигая зал своим веселым настроением. – Иначе на выборы придут козлы. Они проголосуют за козла. И мы будем жить по козлиному.

Чумаков был откровенен в расстановке политических акцентов. Он рад был тому, что в батальон приехал лидер патриотической оппозиции Сергей Николаевич Бабурин, за деятельностью которого, как оказалось, он давно доброжелательно наблюдал. Чувствовалось, что замполиту хотелось через Бабурина донести до своих однополчан какую-то свою

правду, свои представления о политике государства... И так получилось, что расхождений в этих представлениях у известного федерального депутата и у самого замполита никто в аудитории не обнаружил.

Бабурин был в ударе. Подобрал нужные аргументы и факты, придав им гражданское звучание, он захватил аудиторию. Ему бы не в Думе сидеть, а министерство иностранных дел возглавить или лучше весь кабинет министров. Политическая грамотность – на высоком уровне. Кругозор – широкий. Эрудиция – безупречна. Дипломатия – излишня. Интуиция – на уровне. А еще – смел, настойчив, трудолюбив. И все это при молодых-то годах! В старые добрые времена такими кадрами кремлевская власть не разбрасывалась. Теперь – время чиновников продажных и беспринципных. Время не тех, кто любит Россию, а тех, кто жаждет заработать на продаже интересов России.

Бабурин смело и откровенно говорил о провале правительственной политики на Балканах. Повторил сказанное еще у сербских генералов о превращении ООН в рупор НАТО. Затем, продемонстрировав хорошее знание обстановки в Боснии, он предложил пути решения сложного, запутанного конфликта.

Слова этого политика притягивали своей ясностью, такой умной, правдивой ясностью, что становилось увереннее, тверже на душе.

Василий Белов то и дело давал мне на ухо негромкие ком-

ментарии. Особо он негодовал по поводу позиции российской дипломатии, послушно делающей по команде из США жесты покорности. Еще в Белграде при посещении штаб-квартиры демократической партии Сербии мы читали про трагедию города Горажде. И сейчас Белов соглашается с Бабуриным: недавние бомбовые удары американских самолетов «Фантомов» по сербским позициям у города Горажде можно назвать похоронами так называемой «балканской мирной инициативы Ельцина».

– Американцы сбросили бомбы на жилой квартал Горажде, прямо в центр его, – шепчет неугомонный Белов. – А один самолет поразил даже санитарную машину, – убиты две сестры милосердия. И нет в мире никакой управы на этих бандитов?!

Продолжающаяся речь Бабурина совпала с мыслью Белова. Во время бомбежек Борис Ельцин, как президент страны, даже не выступил с осуждением воздушных ударов по Горажде. Единственной причиной его негодования послужил тот факт, что американцы, видите ли, не проинформировали его о варварских бомбежках заранее. То есть, если бы за день сообщили, что американцы убьют санитарок, у Ельцина вообще не было бы оснований для возмущения. Наверное, он опасался предупредительных слов президента США Клинтона, который заявил, что у России, мол, нет оснований для протеста, ведь бомбили Горажде в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН. А за эту резолюцию прого-

лосовал и российский представитель. Чему тут возмущаться? Чем тут крыть американских варваров?! В этой непростой ситуации Ельцин не способен был защитить даже наших десантников-миротворцев, стоящих в нескольких десятках километров от пылающего Горажде. Русским миротворцам удалось избежать потерь. Им повезло. Но ведь отсутствие упреждающей информации о готовящихся акциях НАТО могло обернуться для них и бедой.

Голос Бабурина продолжал греметь в зале:

– НАТО и США встали на сторону одной из воюющих сил. Они, поощрив мусульман, озлобили сербов и поставили под удар престиж России, Ельцина они даже в известность не поставили. Сербь в одночасье стали на земле своих отцов и дедов «гражданами второго сорта».

– Ты слышал, Анатолий, как сербы называют своего генерала Младича? – спросил меня Белов.

– Да, – кивнул я.

– Они называют его «сербским Жуковым», – важно подчеркнул мой сосед. – Он недавно взял в кольцо весь пятый армейский корпус мусульман.

Я действительно слышал, как сербы называют своего горячо любимого генерала, как он окружил армию мусульман, вторгшуюся в так называемый «бихачский карман» и земли, оккупированные мусульманами, вновь перешли под сербский контроль. Не помогли мусульманам бомбежки Горажде.

Но вот информацию, прозвучавшую только что от Бабурина, не знали ни я, ни писатель Белов. По напряженным и недоуменным лицам русских миротворцев можно было догадаться, что и они слышали это впервые.

– Вам, наверняка, не приходится читать столько газет, сколько нам, депутатам, – сказал Бабурин. – Даже самый маститый наш писатель Белов Василий Иванович, который сидит напротив меня и все под руку мне говорит, какие плохие американцы, и тот не читает, например, американскую газету «Уолл-стрит джорнэл». А я недавно прочел и ужаснулся. Газета, ссылаясь на наблюдателей ООН, сообщила, что мусульмане обстреляли свою собственную территорию, чтобы спровоцировать воздушные удары НАТО по сербским позициям. Если бы мир узнал о такого рода провокациях мусульман, то перестал бы верить лживой пропаганде американцев и немцев, что во всем виноваты на Балканах сербы. Мир бы понял, зачем нужна эта война США. Мы вместе с вами должны сделать все возможное, чтобы мир узнал про все эти ухищрения и провокации мусульман, к тому же они неоднократно прибегали к ним.

Тут наши миротворцы загудели и вынуждены были признать и возмутиться вместе с нами, что у американцев и мусульман здесь более чем тесное сотрудничество. До российского батальона тоже доходит информация о двойных стандартах США, о пособничестве их моджахедам. Недавно десантникам узнали от военных специалистов в ООН в Сара-

ево о том, что перед наступлением из «мирной зоны» в Би-хаче американцы снабдили мусульманских командиров сделанными с помощью аэрофотосъемок картами расположения войск боснийских сербов.

– Так это вы, политики, должны обуздать американцев, – выпалил маленький, по-офицерски выпрямленный, ершистый десантник. – Мы, миротворцы, здесь ничего не сможем сделать.

– Вы большое дело сделаете, если доложите по инстанциям о нарушениях американской стороны, – посоветовал Бабурин.

– Американцы бессовестно себя ведут, потому что никто об их безобразиях не знает, – сказал Белов, поднявшись с места. – Надо всем не молчать об их преступлениях. Только за два предыдущих года разрушено семьдесят православных сербских церквей, разграблены девяносто четыре церкви и четыре монастыря. В районе Купреса зарезаны пятьдесят два серба, которым предварительно выкололи глаза. Около Мостара убиты четыреста женщин и детей. Здесь, около Сараево, два года назад обнаружено более тысячи трупов сербов. Около Горажде зарезано семнадцать жителей, а тридцать два трупа расчленены. Вот они, зверства! Вот кто изверг, агрессор, людоед! Мусульмане, а не сербы. Такую правду на Западе показывать запрещают.

– Да, они боятся гласности, – согласился Бабурин.

– НАТО – это одно из чудовищных порождений амери-

канской бесчувственности, — еще тверже заявил Белов. — Чем меньше мы протестуем, тем больше они наглеют.

Глаза писателя горели яростью, грудь вздымалась от негодования. Наделенная тонкой чуткостью душа Белова, которая у совестливого писателя развивается благодаря постоянным размышлениям и той исключительной зоркости, с какой он схватывает все несправедливости на земле, не могла смириться с откровенным злом.

В который раз я невольно подумал о значимости пребывания в Сербии нашего замечательного писателя-трибуна Василия Белова. Трудно представить, что бы произошло с общественным мнением в мире, если бы не только он один, а вся многотысячная армия российских писателей примчалась бы сюда и прикоснулась к сербскому горю, испив его до дна, как сделал это Белов. Мир бы оглох от стога невинно убиенных сербов, онемел от неправды американских злобных политиков «нового мирового порядка», ослеп от разбомбленных и выжженных сербских земель, где тысячи лет покоятся их предки, и на которой тысячи лет стоят сербские хижины. Мир бы провалился в ад от осознания своего равнодушия к трагедии сербов, которых обвинили в этнических чистках ради того, чтобы их самих «этнически» вырезать и зачистить, и предоставить эту благодатную, тысячелетиями возделываемую землю, чужим захватчикам-мусульманам.

Трудно представить, как повели бы себя в мире журналисты, скульпторы, педагоги, художники, артисты, врачи, если

бы увидели в Сербии рядом с Беловым и Бабуриным тысячные полчища русских работников культуры, искусства, образования, здравоохранения. Интеллигенция мира вышла бы на улицы и потребовала правды, мира и справедливости.

Только Белов сегодня один. На днях стоял в гордом одиночестве на простреливаемом снайперами бруствере, теперь вот возвышается над сидящими в зале угрюмыми и жаждущими порядка русскими миротворцами.

Активностью Белова стоит не просто удивляться, а гордиться. Недавно патриотическая газета «Завтра» опубликовала его открытое письмо знакомому немецкому профессору Казаку. Оно так и было озаглавлено «Письмо немцу». Не знаю, прочитал ли его профессор Кельнского университета, но мои коллеги в Государственной Думе России прочли внимательно. Обсуждали. Цитировали. Шипели по-змеино-му только представители прозападных фракций. Именно так шипел и злился в Думе при виде Василия Белова на трибуне, обличающего Ельцина за геноцид народа, господин Жириновский. Но Белов настолько упрям и крепок, что никогда не спасует... Знали бы это враги, может, не так старались.

В начале письма было сказано: «Главной причиной моего обращения к вам явилось мое тягостное душевное состояние, вызванное натовской войной против православных сербов. Взрываются бомбы, летящие на Пале и сербские кварталы Сараева, гибнут дети, женщины, старики. Профессор, сможете ли вы убедить меня в том, что это не третья миро-

вая война? Позвольте задать вам и еще несколько вопросов, связанных с нынешней обстановкой в Европе. Если Варшавский блок давно не существует, то против кого вооружаются натовские подразделения? Для чего вообще народы США и Европы содержат НАТО? Почему в межэтническом балканском конфликте Европа и ООН обвиняют только одних сербов? И почему НАТО бомбят одних сербов? Или они думают, что горящий костер можно погасить горячей жидкостью? Почему Германия снова поддерживает последователей гитлеровского приспешника Павлевича, уничтожившего евреев и сербов? Эти вопросы я задаю именно вам, так как знаю вас давно и лично общался с вами. Мне непонятно поведение всей европейской общественности, когда снова гибнут мирные жители, как это было в 1941–1945 годах. Почему молчат лучшие люди немецкой нации, писатели, наследники великой европейской культуры и философии? Хотя бы и тот же Гюнтер Грасс? Услышать бы, что он думает по поводу натовских бомбежек и грохота пушек, отлитых на немецких заводах. Впрочем, молчит не один Грасс, молчат и Ханке в Австрии, и Айрис Мердок в Англии, и Маркес, спрятавшийся на острове Куба. Кто же напомним натовским генералам древнейшую библейскую истину: «Взявший меч, от меча и погибнет»?».

В силу своего характера Белов в письме и немного предостерег немецкого профессора: «Сейчас, когда я пишу эти строчки, канцлер Коль разбирает свой чемодан под ельцин-

ским кровом в поселке Завидово. Он только что прилетел в Москву. Мне не известно, о чем они будут говорить, но я точно знаю, что Россия рано или поздно освободится от «лучших» немцев, от своих государственных предателей, с которыми сдружились Коль с Кинкелем, да и сам главный шеф НАТО господин Клинтон. Когда в России будет свое, непредательское правительство, она, Россия, снабдит православных сербов радарам и ракетами «земля – воздух». Промышленность России разрушена еще не до конца. И тогда ваши «Торнадо» вместе с мальчиками из парижских и кельнских предместий один за другим будут падать в Адриатические пучины... Разве сами немцы уже не чувствуют опасности? Или они опять решили окончательно расправиться с европейским славянством? Я не пугаю вас, профессор, (вы знаете это) и не блефую. Я просто вижу, что логика развития событий приведет именно к такому финалу. Похоже на то, что европейцы уже похоронили Россию. Но за что Европа так ненавидит русское и сербское православие, почему она так упорно борется с нами? Это не мудро, это губительно и для вас».

Есть в большом и вызывающем к справедливости письме Белова и мучающий его всю сербскую дорогу вопрос: «Почему молчит общественность Европы, почему жмурят глаза лучшие европейские умы? Молчание народов Европы при виде начала войны равносильно нравственной безответственности. Вы должны знать, профессор, что Павлевич, как

заноza, навсегда остался в сербской народной памяти, как Гитлер навсегда остался в русской народной памяти. Нельзя пренебрегать этим вполне достоверным фактом. Остановите натовские бомбардировки!».

Вряд ли Белов получил от Казака ответ. Иначе бы Василий Иванович не задавал этот вопрос о неприличном и безнравственном молчании Европы в разных партийных кругах Белграда.

Время для беседы с миротворцами истекло. Благодарность Бабурина за понимание и доброжелательность была встречена теплыми аплодисментами.

– Сытым американцам самостоятельная Сербия поперек горла, – подытожил и Белов. – Они не хотят, чтобы она жила по своим законам и была политически независимой, они хотят, чтобы сербы жили по указке из-за океана. Только Россия может не допустить этого. Но Россия Ельцина предательски прячется и молчит. Вот чего нам Бог всем не простит, так это молчания. Молчанием, как известно, предается и сам Бог!

Тяжело легли на мое сердце слова Белова. Зал молчал. Переживали и офицеры, и солдаты. И вдруг в тишине послышался шелест книжки в руках писателя.

– Разрешите, я прочту вам в заключение одно стихотворение Караджича. Недавно мы издали его книгу в России. Она называется по строке автора: «Со злом не разминуться нам вдвоем...». Вы, наверное, знаете, что Президент республики Сербской Радован Караджич является известным поэтом, а

по профессии он вообще-то врач. Простой врач. Читаю наугад.

Книжка, похожая, скорее, на школьную тетрадку, затрепетала в руках писателя, листы забегали взад-вперед, и наконец остановились. На обложке был замечен небольшой портрет поэта. Стихотворение было переведено с сербского на русский.

*Ты уже знаешь?
Ад перешел
На нашу сторону.*

*По улицам разгуливают церберы,
Ловят наши нежные взгляды.*

*И немного смысла
В страхе перед смертью
И вечной тьмой:
Все, что ждет нас там,
Уже произошло с нами здесь.*

*Ад вышел на белый свет
И показывается всем, кто хочет видеть.
Церберы рычат на наши мысли.*

*Не бойся, милая, старости неизбежной,
Не бойся смерти.
Две могилы станут надежным убежищем,*

Источником ослепительных мыслей.

*Оттуда вырвутся наши души,
Чтоб погасить взбесившийся ад,
Перешедший
На нашу сторону.*

Это стихотворение Караджича, несмотря на легкий русский перевод, достаточно точно объясняет глубокое уважение сербов к воле и справедливости. Офицеры и солдаты не могли не почувствовать мысль лидера боснийских сербов. Мимо меня не прошли и те многозначительные взгляды, брошенные десантниками на Белова. В них открывались искренние чувства благодарности писателю за столь решительную и обостренную чувством долга гражданскую позицию.

– Вольничайте, как говорит руководитель нашей делегации Сергей Николаевич Бабурин, – промолвил, присев, Белов. – И не молчите, защищайте сербов, не позволяйте над ними издеваться.

От таких слов заместителя командира батальона быстро сорвало с места, он пожал писателю руку, и, грузно, по-военному, прошагав к двери, скомандовал: «Товарищи офицеры!». Все лихо встали. Полковник поблагодарил нас за беседу и проводил в офицерскую столовую.

Гостей встречали шикарным столом с бутылкой коньяка. Чтобы порадовать давно отсутствующих на родине и не показаться ханжами, мы достали бутылку русской водки. По-

текли хорошие воспоминания, тосты. Бабурин предложил выпить за единую и неделимую Россию. Вспомнил, как ему прибалты предлагали отдать Калининград, а он им в ответ предложил отдать Вильну и Клайпеду, эти некогда русские города, России или Белоруссии. Я поднял тост за Сербию и Караджича. У Белова вновь появились вопросы. В этот раз его вдруг заинтересовали случаи дезертирства на войне. Полковник привел примеры, как у мусульман при замене военных частей многие разбегаются, так как не хотят воевать. Вывозят других на замену, и то же самое повторяется. У сербов воюют в основном штатские. Некоторые военные тоже разбежались. Лучшие офицеры у них – гражданские. Исключая, конечно, таких профессиональных военных, как генерал Ратко Младич.

Расставались на улице.

Дольше других с нами постоял Чумаков. Для придания оптимизма законченной в зале беседе, он заверил Белова, что восемьдесят процентов российских офицеров воспринимают действия НАТО против сербских братьев как агрессию против России.

– А мне недавно довелось быть в Москве, – вспомнил он. – Решил поучаствовать в политике. И меня поставили охранять заседание какого-то патриотического мероприятия. Там, Василий Иванович, кажется, были и Вы. Увидел я Марка Дейча. Взял и не пустил его в зал. Тот захотел со мной поговорить. А я ему говорю: давайте лучше я вам вопросы

задам. И врезал ему. Почему, говорю, Израиль не возвращает Палестинские территории? Почему США бомбят Ирак, Сербию? Тот ушел.

Под вечерним небом нас уже ждали сербские машины.

Ночлег для нас был припасен далеко от Сараево.

Заехав вначале снова в город, мы нашли нужную дорогу, и она повела нас вверх, в неизвестную сторону. По этой дороге, оказывается, в прошлом году сербы спустили вниз детские санки, начиненные взрывчаткой. Толкнули их с горки в распоряжение того дома, из которого по ним всё время бил снайпер, и половина здания сразу рухнула. На окраине города сербский офицер, сопровождающий нас, показал дома, в которых, по его словам, жили русские добровольцы. Рядом с ними, на бетонном заборе, я увидел не совсем аккуратно написанные алой краской хорошо запоминающиеся слова: «Россия – мать родная». А вчера на одном из домов я прочел старый плакат: «Добро пожаловать на Олимпиаду в Сараево!».

О родном доме у нас было мало времени подумать.

На улице начинало темнеть.

Мы двинулись в сторону горнолыжной базы. Вместе с Беловым я молча рассматривал из окна редкой красоты горные пейзажи. По склонам белоснежной стеной стояли рослые сосны-богатыри. Каждая открывающаяся взору сосна выглядела произведением искусства – так изящно и крепко украсил её здешний мороз.

Сербия – страна удивительных горных сосновых боров.

В этот миг меня вдруг настигло желание остаться жить среди той природы, которая окружала нас. Построить домик и любоваться с утра до вечера этими могучими соснами. Строгие белые великаны, таящие под легкой шубой зеленые наряды, имели удивительной сказочной красоты и архитектурного многообразия формы. Глянул исподлобья на Белова. Неужели не оттаивает его душа? Не замечает этого соснового раздолья?! Кажется, сосны разбудили и его чувства. Смотрю, забезумствовало желание остановиться здесь и у Белова.

– Может, остановимся, подышим воздухом?! – спросил он у Бабурина. – Красота-то какая!

Пяток минут дышали целебным чистым воздухом.

– Сколько же стоит этот воздух? – задаю я сам себе вопрос и тут же вслух отвечаю. – Оставить бы его сербам да нам, а американцам позволить дышать только автомобильными газами – пусть научатся ценить жизнь и природу.

Горнолыжная база оказалась в столь красивом месте, что восхитились не только мы с Беловым, но и вся наша делегация.

– Тут бы на месячишко задержаться!

Деревянные коттеджи были разбросаны по всей лесистой горной местности. Пейзаж смотрелся, как с обложки цветного журнала.

Под густым ноздристым снегом пахло травой и лесом, от

жилья тянуло запахом стираного белья и лекарств. Видимо, рядом располагался медпункт.

Моя холодноватая комната находилась по соседству с Беловым. Отдохнув немного, почистив одежду, я пригласил его погулять, посмотреть окрестности. Но Белов воспротивился, сославшись на усталость. Пришлось мне одному бродить припорошенными сосновыми дорожками.

Зато утром Белов сам разбудил меня. Разбудил рано. Ему хотелось попытать меня расспросами о Караджиче. Наша делегация собиралась в его резиденцию в город Пале, чтобы встретиться там с этим легендарным человеком. И Белову хотелось знать о нем больше того, чем писали газеты, чем сам он знал. Сергей Глотов зачем-то намекнул ему, что я знаком с Караджичем, не раз встречался с ним. У меня, действительно, были две встречи с ним, и я ему, безусловно, симпатизировал. Только вот близкие отношения с сербским героем были не у меня, а у Сергея Бабурина. Тот часто с ним общался, обсуждал острые проблемы.

Еще в самолете Белов признался, что с нетерпением ждет встречи с человеком, бросившим вызов американской военищине. Вологодский подвижник видел в этом лидере сербов некое историческое знамение, возможность объединения сербов и русских в движении за славянское возрождение, попытку противостояния шествию по Европе идеологии «нового мирового порядка».

– Как думаешь, выстоит он? – посыпались вопросы. – Не

сдаст его Милошевич?

– Да я сам хотел бы знать ответы на эти вопросы, – признался я.

Имя Милошевича не зря всплыло в разговоре перед отъездом в Пале. Известно было, что Президент Союзной Республики Югославия объявил блокаду боснийским сербам во главе с Караджичем. Его санкции больше всего ударили по сербам в республике Сербской и в Сербской Краине. Будто сербы там были виноваты, что история разбросала их по огромной родной территории, и они оказались в окруженных мусульманами анклавах, не подняли там белый флаг и не сдались на милость врагу.

Белов знал, что Милошевич под давлением США и при участии российской беспринципной дипломатии добивался смещения Караджича. Теперь он старался понять, почему Милошевич, будучи сербом, спокойно наблюдал, как мусульмане силой пытаются перекроить карту Боснии.

– Неужели Милошевич не понимает, что тем самым он ведет весьма опасную игру? Она же обернется против него самого. Разве он не способствует реализации самых заветных планов и мусульманского президента Изетбеговича, и хорватского президента Туджмана? Почему он не слышит предостережения Караджича, который сказал, что Туджман явно рассчитывает после союза с мусульманами обрушить удары не только на боснийских сербов, но и на сербов Краины?!

– Наши специалисты утверждают, что Милошевич ведет двойную игру, – отвечаю коротко и уклончиво я, так как вопросы были слишком значимыми и сложными.

– Милошевич обязан вспомнить, что он серб, – подводил беседу к завершению Белов. – Вон Туджман, хоть и хорватский националист, но регулярно ходит в синагогу. Знает свое сионистское дело. За день до вторжения в Краину встретился с американским послом, с натовскими советниками. Американцы дали ему добро на штурм Краины, на уничтожение сербов. Милошевич не может не знать всего этого!..

Наш разговор прерывает команда Сергея Бабурина: «Быстро завтракаем и уезжаем в Пале!».

На улице около дома, во дворе и в самом доме стоял уже знакомый гул людских голосов.

Нам не дано было с Беловым предугадать, чем конкретно закончится двойственная политика Милошевича для окруженных сербов, и мы закрыли эту тему. Но мы, конечно же, чувствовали приближение беды. Чувствовал ее и Караджич. Пройдет всего лишь полгода после разговора Белова с Караджичем, как хорватская армия, подготовленная американскими отставными генералами, обрушится на ополченцев Сербской Краины.

Хорватов было в пять раз больше... Туджман растоптал танками резолюцию ООН о Краине. О трагедии мирного населения скрывалась любая информация. Между тем колонны сербских беженцев растянулись на сотни километров.

Американцы злорадствовали. Караджич вынужден был обратиться к Милошевичу с открытым письмом о помощи, с сообщением о захвате хорватскими усташами районов Сербской Краины. Факты звучали вопиюще – хорватские самолеты и танки в упор расстреливали детей и стариков, сбившихся в двухсоттысячную армаду беженцев. Лидер боснийских сербов просил Милошевича вернуться на путь защиты национальных интересов сербов. Милошевич молчал. И Караджич впервые обвинил его в измене общесербскому делу, в том, что Краина была сдана хорватам.

Расстояние между Сараево и Пале небольшое – всего лишь десять километров. А от нашей горнолыжной базы еще меньше. Мы идем скорым шагом завтракать. За общим столом – продукты сухого пайка.

Бодрее всех выглядит Бабурин. Умылся снегом. Румяный. Чисто выбрит. Даже бывшие военные генералы из Белоруссии вяловаты в движениях. А наш руководитель улыбчив и подвижен.

Выехали в Пале вовремя. У Белова под мышкой крепко зажат большой сверток.

– Довез-таки до Караджича свою книгу!? – спрашивает моего соседа Сергей Глотов, и пытается взять сверток в руки, чтобы посмотреть книгу. – Можно посмотреть?

Но Белов перекладывает книгу в другую сторону. Нехотя ворчит:

– Я вам всем такие книги дарил.

– У нас по программе весь день рассчитан на встречи в Пале, – прервал наш разговор в микроавтобусе Бабурин. – Вечер свободен. Какие предложения будут?

– Сегодня праздник, – четко изложил свое предложение Белов. – Рождество. Сам Бог велел нам вместе с православными братьями-сербами встретить его здесь вместе.

– Согласен, – одобрил неожиданное предложение писателя Бабурин.

– Договоритесь, Сергей Николаевич, с Караджичем, – добавил Белов. – Он наверняка пойдет в церковь, пусть возьмет и нас. Мы вместе с ним и отстоим литургию. Уверен, он не откажет.

Бабурина не привыкать выступать в роли просителя. Он соглашается. Обрадовались этому предложению и мы. Я в Рождество обычно езжу под Ростов Великий – либо в монастырь на родине преподобного Сергия Радонежского, либо в Спасо-Яковлевский монастырь на берегу озера Неро. А тут выпадает возможность встретить его вместе с сербами на их древней православной земле, да еще и вместе с Радованом Караджичем!

Подъезд к Пале нам знаком. И Белов, и я уже приезжали сюда. Незабываемый городок, очаровывающий всех тишиной и свежестью природы. Мохнатые еловые склоны, спускающиеся к домам с малиновой черепицей и ухоженными садами. Печальные, пустынные предгорья, подбирающиеся к небу.

Мы понимающе переглядываемся с Беловым. Ему вспомнилась Тимониха со своими оврагами, полями и низинами. Мне – Редкошово, та деревня, над которой всегда бесшумно ползли бархатные копны облаков. Но здешние места так привораживают, очаровывают, что вновь пробуждается желание пожить здесь. На каждом зеленом лесистом склоне дремлет маленькая добротная хижина. Она манит к себе, и хочется пройти все перелески, истоптать все сугробы, но добраться до сказочного, уютного дома. Сербские дома почти не похожи один на другой. Их броская красота говорит о том, что хозяева знают толк не только в строительстве, но и в архитектуре, искусстве, дизайне. Каждый дом притягивает взор, искушает... Ни тесноты, ни мрачных, замкнутых в пространстве, улиц. Кругом простор, воля. И в то же время сгрудившиеся хвойные леса, гористые переходы, отсутствие больших открытых пространств. Непривычная гармония. Ощущение того, что человек вжился в природу, растворился в ней. И крошечные, разбросанные по хвойному пейзажу чудо-дома, выглядят будто грибы. Природа не замечает человека, он – всего лишь муравей или зверушка. Но вдруг в этот дивный край вторгся чужой зверь, стая зверей, похожих на мутантов и вампиров. Они стали пожирать дома и лес, овраги и ручьи. И теперь все чаще дома стоят с разбитыми окнами, а тишина настораживающе пугает каждого приезжего...

Машина останавливается у резиденции Караджича. Просторный, широкий дом.

Вдоль него отлогая, быстро спускающаяся вниз, поляна. Рядом – поднимающаяся в гору другая, мутно зеленеющая под солнцем, поляна. Теплый ветер несет запах далеких смолистых деревьев.

Мы постояли несколько секунд на продуваемом пяточке возле дома, вслушиваясь в природу. В открывающихся нашему взору далях лес был широк и подобен крепости, но он не был тесен ни вблизи, ни вдали. Деревья громоздились на склонах гор и на отлогих выступах просторно, поштучно, живописно.

К нам пришло ощущения рая.

Растущие рядом высокие сосны зеленели, отсвечивая серебром.

Из высоких светлых лесных полян утром разбегались по низинам солнечные зайцы. И город с четырнадцатитысячным населением уже светился в зареве начавшегося дня.

У дома на карауле двое удалых, подтянутых воинов.

Они приветствуют нас, улыбаются, дружески жмут руки. Мы поднимаемся внутрь дома. Белов нервничает, переживает, ибо весь в ожидании долгожданной встречи. Я знаю, у него накопилось столько мыслей и чувств, что он боится, вдруг не доедет до Пале, не передаст их особо уважаемому им Караджичу.

Он быстрым шагом идет вслед за Бабуриным. Решительно. Не оглядываясь по сторонам. Глаза ищут впереди знакомую высокую фигуру с буйной копной серебристых волос.

Но по дороге встречаются лишь крепкие молодые парни в зеленых куртках, с отвисающими тяжелыми пистолетами на ремнях. Отыскать знакомое лицо не удастся. Белов отходит в сторону, ждет.

Караджич – символ нестигаемости сербов.

И сербы, и враги сербов признают в нем безусловного лидера. В условиях натовских бомбардировок, снабжения мусульманским миром своих единоверцев в Боснии и Герцеговине вооружением и продовольствием, экономических санкций, наброшенных, как удавка, соплеменниками из Белграда, он фанатично дерется за каждую пядь родной земли. Он – борец за освобождение своего народа.

В небольшой белостенной комнате нас попросили подождать. Посреди пустоты стоял длинный стол со стульями. На стене висел старый герб Сербии. С потолка спускалась обычная лампочка.

Ждать нам не пришлось. В комнату быстро вошел крепко сложенный мужчина. Он был в темном костюме и белой рубашке с галстуком. Раньше я встречал Караджича в военной форме. Сегодня время более трагичное и опасное, а он в гражданской одежде. Весь его вид подчеркивал уверенность и хладнокровие.

Караджич встретил нас улыбкой. Первым он заметил Сергея Бабурина и стиснул его в своих объятьях. Они обменялись добрыми приветствиями и шутками. Конечно, у них это не первая встреча. Бабурин представил нас. При этом каждо-

му дал лестную характеристику. Особенно белорусским коллегам. Караджич внимательно слушал, осторожно кивал головой, вознося вверх густые черные брови. Лишь при появлении перед ним Белова Караджич не стал дожидаться бабуринских характеристик, а сразу кинулся обнимать писателя: «Рад видеть Вас, господин Белов, у себя в Пале!». Весьма польщенный особым вниманием, Белов тут же напомнил Караджичу о недавних встречах с ним в Москве на вручении сербскому поэту премии имени М.А. Шолохова и в Сербии после посещения Сараевского кладбища.

Премия вручалась Караджичу в здании Союза писателей России. О церемонии награждения я узнал от Бабурина, он меня и привез на нее. Там я видел и Белова, стоящего рядом с Караджичем, он был на редкость веселым, обходительным и расположенным к дружелюбной беседе. Пока Бабурин не начал задавать высокому гостю вопросы о том, как он намерен бороться с установкой Запада – задушить сербов Краины блокадой и сделать их изгоями международного сообщества, Василий Белов рассказывал Караджичу о памятной встрече с Михаилом Шолоховым. Комиссия по присуждению премии вручила диплом лауреата Радовану Караджичу за его выдающиеся поэтические произведения и его мужественную борьбу во благо своего народа. В меня будто занозой впились тогда слова Караджича, сказанные им Бабурину, что сербы не допустят, чтобы натовцы в Сербии вели себя и судьями, и судебными исполнителями.

Сегодня я снова вижу сербского героя смелым, оптимистичным и крепким духом.

Караджич с сиюминутным восторгом вспомнил про теплый писательский прием в Москве, про дорогую для него награду, и тут же перевел разговор в нужное русло.

– Как перенесла русская делегация дорогу? – поинтересовался Караджич и пригласил всех к беседе за общий стол.

– Дорога была спокойной, – признался Бабурин.

В короткой откровенной речи Караджич поведал нам о кризисной ситуации в Боснии. Вроде как провозглашено перемирие, а, оказывается, буквально за десять минут до нашего приезда стреляли пушки. Так как окопы рядом, приходилось усиливать контроль... Караджич посетовал, что этого беспредела не видит экс-президент США Джимми Картер, который недавно был в Пале. Визит позволил избежать приближение тотальной войны, остановить кровопролитные бои. На четыре месяца было заключено перемирие. Наша делегация как раз попала в этот промежуток. За это время международная «контактная группа» должна была выработать план мирного урегулирования боснийской трагедии. Прежний план был сорван мусульманами несмотря на то, что им отходил 51 процент территории республики, а они занимали тогда лишь 13 процентов её. Еще 15 процентов принадлежало хорватом. Несмотря на то, что они, объединившись в мусульмано-хорватскую федерацию, незаслуженно получали все промышленные центры, недавно найденный

единственный источник нефти, все транспортные артерии, заводы по производству оружия, самые плодородные земли. Сербь лишались и выхода к морю, и экономической, и продовольственной безопасности. Но мусульманам и этого было мало. Они пошли в наступление ради того, чтобы сорвать намеченный план, – напали исподтишка, как воры и убийцы, из зоны безопасности ООН в Тузле. Им не хотелось помнить, как генерал Младич недавно разбил их отборные войска под Бихачем. Они вновь возжелали поставить Караджича и его сторонников на колени, стали наступать, оттеснять сербов. Но через несколько дней Ратко Младич вновь продемонстрировал свой могучий «жуковский» талант полководца, и отбил атаку мусульман, уничтожив танки и, покосив живую силу, вернул утраченные территории. В те дни в Москве мы читали жесткое заявление Караджича с предупреждением мусульманам, чтобы они прекратили боевые вылазки, иначе сербы выдвинутся вперед, возьмут с боем и весь город Сараево. А если миротворческие силы ООН не прекратят подогревать и поддерживать наступление мусульман, то сербы будут относиться к ним, как к противнику.

Удивление Бабурина планом «контактной группы» и предложениями Картера оживило дискуссию. Вначале Сергей Николаевич выразил восхищение действиями Младича, нанесшего сокрушительное поражение мусульманской армии Алиа Изетбеговича, а затем раскритиковал план «контактной группы», написанный под диктовку США и от-

нимающий у сербов более двадцати городов, их главную реку Дрину, электростанции, рудники, выход к морю. Сербы контролируют семьдесят процентов земель, ровно столько, сколько испокон веков они населяли Боснию и Герцеговину. Почему же нужно уступать хищникам?!

– Мы знаем, что ради мира и добра Вы приглашали американских журналистов с телеканала Си-Эн-Эн, освободили всех солдат ООН, взятых сербами в заложники, пригласили Картера для переговоров, – деликатно вел разговор Бабурин. – Но что мы видим? Вы-то хотите положить конец войне, идете на беспрецедентные уступки: полгорода Сараево – мусульманам, полгорода – сербам. Вы называете причины для мира – передел территории, соглашаетесь с преступным американским разделом. А чего хотят мусульмано-хорватские лидеры? Они называют свои пути разрешения конфликта: снять эмбарго на поставки в Боснию вооружения и обеспечить натовские бомбардировки и иную военную поддержку мусульманской армии. И при этом Вы и весь мир слушает призыв Картера: «Сегодня у нас есть уникальный шанс познакомить весь мир с вашими устремлениями к миру...». Где же этот мир?! Американцы не могут и не принесут сербам мира. Надо искать другие пути урегулирования конфликта.

Лицо Караджича напрягалось от переведенных переводчиком слов собеседника.

Возникла пауза, позволившая вступить в беседу и нам.

Тяжело дышавший Белов не преминул поделиться своими мыслями. Его лицо вспыхнуло, он раздвинул душный ворот рубахи. Говорил медленно, но горячо. Как и Бабурин, Белов не верил в желание американцев установить мир на Балканах. Припомнил налет американцев на авиабазу Удбина в Краине, применение бомбардировщиками запрещенных кассетных бомб против мирных жителей.

– И как только Вам, господин Караджич, удастся после натовских бомбежек и чинимого ими беспредела сдерживать гневные акции протеста и возмездия сербского населения по отношению к «миротворцам»? – риторически и сурово вопрошал голос писателя.

Тут Белов решил сопроводить свои слова газетной цитатой. Из внутреннего кармана пиджака он как-то неловко вытащил сложенную газету «Завтра», развернул её и сказал:

– Мне понравилась Ваша оценка натовским налетам. Слова Ваши лаконичны и по-писательски точны.

Белов прочитал высказывание Караджича: «Это был криминальный акт криминальной региональной организации, известной под именем НАТО».

Я слушал и видел, как волнуется дорогой и близкий мне по духу и мыслям вологодский писатель.

Многое пережито Василием Беловым в его шестьдесят лет – голод в детские годы, потеря отца, послевоенная разруха, исход крестьян из деревни, развал страны, ельцинская вакханалия... Все прошло через его душу и сердце. И вот те-

перь ему предлагают смириться с еще одной несправедливостью на земле... Он должен согласиться с американцами, с их остервенелым желанием заставить сербов уйти с родных земель.

Известный в России и Сербии писатель отказывается пойти на предательство. В юности его самобытное и яркое дарование развивалось под благотворным влиянием славянофильских книг Пушкина, Достоевского, Толстого, Тютчева. А теперь он восхищается славянскими подвигами сербского поэта Караджича.

Благодаря Белову нам всем стало ясно, в какое грозное и бесовское время мы оказались рядом с Караджичем.

Он с непередаваемым чувством гордости и уверенности говорил главному сербскому защитнику славянства:

– Будь у нас в России сегодня президентом настоящий русский политик, дали бы мы вам ракеты СС-300, и никакого НАТО здесь не было бы, и ничьи глупые советы вам не пришлось бы слушать.

– Из югославского тупика, в который нас загнал Запад, можно выйти мирным путем только при содействии России, – отозвался собеседник.

– Слышали мы вашу пословицу: «Нас с русскими 300 миллионов, а без русских нет и полгрузовика!», – добавил Белов.

– Да-да, – заулыбался сербский лидер. – Добрая, известная пословица. Но она не современная, ей много-много лет. Как и той пословице: «На небе – Бог, на земле – Россия!».

– А у нас всё известней становится пословица: «Не в силе Бог, а в правде!».

Осветившееся радостной улыбкой лицо Караджича расположило нас к разговору.

Я поинтересовался у президента его мнением о судьбе плана «контактной группы», о значении для сербов той территории, которую хотят отсоединить от них. На какие мирные предложения после разгрома мусульманской армии готовы сербы? Если эти предложения нереализуемы, то каков вообще план выхода из кризиса? Сколько времени они готовы воевать?

Ответы были ожидаемыми: «Сербы готовы воевать столько, сколько будет необходимо. Воевать ради мира. Мы согласны на уступки, согласны пострадать при нарезке земель. Только пусть оставят нас в покое, дадут спокойно жить и работать, дадут воссоединиться. Мы не против ислама, мы против того, чтобы мусульмане уничтожали нашу веру – православие».

Кто-то из делегации спросил про неполитическую жизнь Караджича и тот с интересом поведал про свою прежнюю работу врачом, про диссидентство в молодости и нахождении в тюрьме, про увлечение поэзией и футболом. Жена у него тоже врач. Более того, и дочка, и сын решили продолжить дело родителей. Сын сейчас служит в резервной полиции, находится здесь, в Пале. Политика пришла в его жизнь тогда, когда он не испытывал к ней никакого интереса. В Бос-

нии вдруг стала возрождаться старая чудовищная идеология исламского фундаментализма... Всюду запахло геноцидом. Молодой Караджич восторженно... Его живая, стремительная душа не усидела в доме – пошел он с друзьями создавать демократическую сербскую партию. И на первых же парламентских выборах они победили.

Спокойными, взвешенными словами, не потерявшими и в настоящее время своей остроты и значения, говорил он о борьбе своей партии за попираемые права сербского населения, о тяжелой ноше президента, о рассмотрении мирных планов, ущемляющих интересы сербов, будь то план Вэнса-Оуэна или контактной группы.

В разговор вновь вклинился Бабурин. Он доложил о последних инициативах Государственной Думы России. Два месяца назад, а точнее 11 ноября 1994 года, Дума приняла заявление об односторонних действиях США, подрывающих режим эмбарго на поставку оружия в Боснию. Принятие столь важного документа было обусловлено тем, что администрация США в одностороннем порядке приняла решение, подрывающее режим эмбарго на поставки оружия в Боснию. Сделано это было вопреки решению Совета безопасности ООН, где позиция США была отвергнута. Американцы открыто продемонстрировали свое неуважение ко всему мировому сообществу. И в этой ситуации Государственная Дума России предложила Президенту России действовать через Совет безопасности ООН более решительно по осужде-

нию США и прекращению кровопролития в Боснии.

– Нежелание американского президента участвовать в контроле за проведением эмбарго на поставки оружия мусульманам нам известно, – признался Караджич. – Сегодня не секрет, что они сами поставляют нашему противнику оружие. Грешат в поставках оружия и другие страны. Мы отдали здешний аэродром французам. Мусульмане прокопали там два тоннеля. Вернее, заставили пленных сербов копать их. И теперь мусульман снабжают оружием. А французы получают за молчание деньги.

В речи президента появились первые признаки усталости. Однако Бабурин не замечал этого, продолжая развивать тему участия депутатов Государственной Думы в урегулировании конфликта.

– По возвращении в Москву наша делегация обязательно поставит перед Думой вопрос об отмене санкций, о признании всеми странами Сербской республики, как была признана Македония...

Караджич, посмотрев на сидящих рядом коллег, оживился:

– Отмена санкций для нас сегодня важна, как воздух. Она нужна нам не для получения продовольствия и оружия. Наши предприятия, к вашему сведению, сейчас выпускают продукции втрое больше. Несмотря на войну, у нас всё работает, всё отлажено, даже есть излишки продукции. Только мусульмане в этом сомневаются. Так вот отмена санкций

против нас означала бы полное крушение расчетов мусульман на нашу «экономическую гибель». Это решение продемонстрировало бы непредвзятое отношение к нам и мирового сообщества.

– Интересы мира и стабильности на Балканах требуют дипломатического признания Республики Сербской, – повторил Бабурин. – Так же мы пришли здесь к мысли, что развитие событий на Балканах вновь показало преждевременность дипломатического признания со стороны международного сообщества независимости Боснии и Герцеговины. Исправить ошибку можно только признав право боснийских сербов на создание самостоятельного государства либо государственного образования в рамках конфедерации или федерации с Союзной Республикой Югославии.

Скорый ответ Караджича подтвердил: российские и белорусские парламентарии нащупали главный нерв борьбы и выхода из нее.

– Я очень благодарен Вам, господин Бабурин, благодарен и вашим коллегам, за понимание и постановку вопроса о нашем статусе, – признался Караджич. – В связи с вашими предложениями, хорошо бы еще направить к нам сюда представительство России и Республики Беларусь. Сербы погибают ради обретения своей независимости.

Эта тема разговора задела и сосредоточенного, внимательно слушающего Белова. Напряженность всех последних дней, усталость могли сморить старого писателя. Но он то ли

своим упорством гнал утренний сон и усталость, то ли заглушал их живым интересом к собеседнику. В тёмном костюме с красным галстуком он сидел, опершись руками о стол и, сжав губы, молчал во время всего диалога политиков. Затем посчитал нужным вмешаться в беседу.

– Мне кажется, вне зависимости от решения вопроса о снятии санкций Россия должна увеличить поставки сюда газа, нефти, других товаров.

– И поставки эти должны осуществляться в уведомительном порядке, – добавил, соглашаясь, Бабурин. – Правильно, Василий Иванович?

– Да, нечего ждать развития безумной авантюры США, – продолжил Белов. – Ясно, чего они добиваются своими разбойничьими акциями. Они препятствуют объединению Европы, хотят постоянно держать её в напряжении. Им надо поднять свою падающую валюту – доллар. Смотрите, как растет евро. Американцам это не нравится. Бизнесмены из окружения Клинтона не скрывают, что на Балканской войне они рассчитывают неплохо заработать. Мне показывали об этом статью в газете «Вашингтон пост». К тому же американские политики против права сербов на самоопределение. Они агрессоры и кровопийцы, а не вы, вы – в обороне. Мне понятно, почему вас называют агрессорами, понятно, почему и линчуют ракетно-бомбовыми ударами.

– А на агрессию мусульман закрывают глаза, – вторит Караджич. – США сотни миллионов долларов дают на под-

воз им оружия. Вся деятельность натовских миротворцев здесь провокационная. Кто спровоцировал Хорватию на захват Сербской Краины? Они. Американцы подлили масла в эту войну.

– А правда, что американцы и российскую дипломатию используют в качестве рычага давления на вас? – интересуется Белов.

– По крайней мере, ваше козыревское ведомство сперва вбивало клин между мной и Милошевичем, а теперь между мной и Младичем. Кстати, сейчас к нашему разговору подключится генерал Младич. Он подойдет, подтвердит.

– На чем Вы держитесь, господин Караджич? Вера помогает Вам?

– Нам кроме как на Бога больше не на кого надеяться. Православная вера – это наш фундамент, главное наше оружие, главный наш двигатель и горючее к нему. Посмотрите на мусульманские армии, они всегда и везде проигрывают нам в честном бою. Потому Изетбегович бесится, весь мир позвал неправдой и деньгами себе на помощь. И все равно справиться с нами не может. И никогда не победит. Это их исламский фундаментализм подталкивает к расширению территорий, они размножаются, работать не хотят, им нужны новые плодородные земли, заводы, рудники. Известный английский политик, советник Маргарет Тэтчер Альфред Шерман, воевавший на территории Югославии в 1944 году, единственный, кто пишет в Англии правду о нас, на-

писал, изучая ислам, что мусульмане не могут ассимилироваться в Европе. Кто главный националист в Европе? Не сербы! Хорваты – националисты. Они живут только одним – выгнать сербов из Краины, и не просто выгнать – убить всех. А православному сербу вера нужна лишь для укрепления своего духа, для нравственного очищения. Чем больше мы страдаем, тем крепче. Чем больше сербы укрепляются в вере, тем непобедимее становятся. Не зря говорит пословица: «Где болезнь – там и лекарство».

– К России эта пословица, видимо, тоже применима?!

– У вас тоже трудно идет процесс возвращения к историческим корням и православной вере. А мы хотим быть не просто православными, а настоящими православными. Надоело, как в недавние времена скрывать свои обычаи, традиции, песни. Боялись обидеть мусульманина, то есть боялись быть сербами. Это была ошибка. Я всегда говорю: серб должен быть сербом, а француз французом. Как на лугу цветы разные, так и мы на планете все разные. И это прекрасно. А американцы хотят весь мир сделать однообразным. Если мы согласимся, то точно все погибнем.

– Американцы боятся всякой национальной культуры. Известно, государство крепится верой, историей, традициями, культурой. Там, где это все не культивируется, там все быстро рушится. Как только вы вернулись к вере предков, стали в школах преподавать Закон Божий, вводить ордена и медали, возрождать символику, так американцы почувствова-

ли опасность, почувствовали свою погибель. Они – космополиты, они уничтожили культуру тех народов в Америке, на земле которой построили свое государство. Продолжайте восстанавливать на государственном уровне сербские традиции. В этом ваша сила и единство.

Наши белорусские коллеги поддержали Белова. В этой республике тоже знают Радована Караджича не только как бесстрашного лидера сербского народа, но и главное, как политика, возрождающего национальные и православные традиции, воскрешающего историческую память.

– Вы совершенно правы, господин Белов, – кивнул Караджич. – Враги стараются уничтожить в первую очередь древние монастыри, книги, исторические памятники. И в этом есть опасность. Сотрут с лица земли Косова монастыри и храмы, значит, сотрут память людскую... Доказывай потом, лет через сто, что Косово исконно сербская земля. Что на ней монастыри с 11 века хранили веру сербов.

– Я уже не раз говорил: «Сербь могут жить без хлеба, но не могут без державы». Зачем нам чистое этническое государство?! Это президент Боснии Изетбегович в своей «Исламской декларации» писал о том, что исламское общество вообще не может соединиться ни с какими другими. За это произведение он угодил в тюрьму. Когда вышел – еще большим расистом стал. Беспорядок на Балканах нужен США, чтобы держать Россию в узде. Мы видим, как Запад бьет по нам из-за страха перед Россией. А в США какая-то космо-

политическая закулиса подталкивает мусульман нападать на сербов и требовать большего. Чтобы обойти эту «закулису» и приблизиться к мирной развязке, я пригласил Картера к себе. Мы помогли провести ему связь отсюда с Белым домом. Но «закулиса» оказалась хитрей.

– Господин Караджич, вы сказали, что ни разу в честном бою не проиграли мусульманам, – включился в разговор и я. – Но разве вы не осознаете, что проигрываете пропагандистскую, информационную войну?

– Пропагандистскую войну мы, к сожалению, выиграть не можем, – со

гласился Караджич. – Как мы можем повлиять на политику СМИ в США, Англии, Германии? Никоим образом. Потому весь мир и не верит нам. Путем обмана, подтасовок и фальсификаций они демонизируют сербов, переворачивают всё вверх дном, приписывают зверства мусульманам. Приведу вам примеры. Вы уж больно острую проблему затронули. Когда в Сараево взорвался снаряд у булочной и в очереди погибло четырнадцать человек, западное телевидение и пресса тут же сообщили, что снаряд – сербский. Стали разбираться. Снаряд не был выпущен с сербской позиции, он вообще был оборудован на земле. Но это сообщение ООН скрыли. А эмбарго ООН против сербов ввели. Теперь другая пропагандистская провокация. Мусульмане разрушили национальную библиотеку в Сараево, подожгли с разных сторон....А что пишут на

Западе? Пишут, будто вице-президент Колевич, дороживший библиотекой и изучающий английскую литературу в университете, отдал приказ генералу Младичу взорвать ее. Ложь. Про сербских снайперов пишут. Генерал Младич отдал приказ – не стрелять. А мусульмане стреляют. Известно уже, что от мусульманских пуль погибло 80 процентов солдат ООН. О 20 процентах пока не выяснено. Запад же опять молчит, пишет об обратном.

Караджич приводил убедительные аргументы.

В то время я уже собирал для своей новой книги «Информационная война» подобные факты. Кроме старых исторических примеров, подтверждающих особую роль средств массовой информации в оболванивании человека, мне нужны были новые, из современной практики. Зная о моем проекте, Белов ещё в самолете порекомендовал мне поднабрать деталей для книги у Караджича. И вот я едва успеваю записывать всё сказанное Караджичем о новых технологиях ведения информационной войны на Балканах. Белов поглядывает на мой блокнот. Поглядывает с пониманием. Книга «Информационная война» выйдет через три года, в ней обязательной обличительной и пропитанной горькой правдой будет глава «Сербия – первая линия обороны России». К уже приведенным примерам Караджича накопятся к тому времени и другие доказательства фальсификаций мусульман против сербов. Доказано будет, что не сербы, а мусульмане взорвут 28 августа 1995 года в Сараево мину на ры-

ночной площади. Погибло, якобы, 68 человек. Американцы воспользовались взрывом, и их самолеты бомбили сербов. А потом, благодаря лорду Оуэну, американскому генералу Чарльзу Бойди и русскому генералу при представительстве ООН Андрею Демуренко, выяснилось, что не могло одной миной сразу убить 68 человек, что под трупами убитых лежали умершие за неделю до взрыва! Врала западная печать и про беженцев, и про концлагеря, и про массовые захоронения. Крик подняли, что в Сребренице сербы убили восемь тысяч мусульман. А когда начались выборы, обнаружилось пропавшие три тысячи мусульман, пришедших на голосование. Копали могилы, причём в присутствии генерала войск ООН Филиппа Морильона, а в могилах – не мусульмане, а по десять-пятнадцать сербов. Писали, что хорватская армия изгнала 250 тысяч сербов из Сербской Краины, а на самом деле с родной земли навечно было изгнано 600 тысяч. И так везде правду о балканской войне западные журналисты по чьей-то верной подсказке и управлению отнимали у сербов.

Так как беседа с Караджичем оказалась затяжной, то приход в кабинет президента генерала Ратко Младича застал нас врасплох. Один Караджич спокойно поднялся, и, подняв ладони, тем самым его поприветствовал:

– Вот подошел и генерал Младич.

– Добрый день, русские друзья! – поприветствовал всех генерал.

Караджич подвел Бабурина к Младичу и высказал о нем

целую громаду лестных слов. Впрочем, всё это было правдой, ибо Бабурина уважали в Сербии за его активную просербскую политику.

Познакомились с прославленным генералом и мы.

Первое, что нас поразило, Ратко Младич свободно говорил по-русски. Выяснилось, что он в советское время окончил у нас академию Генштаба. Поняли мы в разговоре с генералом-юнаком, откуда в сербском народе такая вызывающая восторг популярность Младича. Народ просто боготворит своего защитника. В начале боснийской войны он проявил себя, как энергичный и жесткий военачальник. За очень короткое время ему удалось организовать боеспособную сербскую армию. Однако самую горячую любовь он снискал у простых солдат-ратников. После того, как Младич сам в разгаре боев ходил в атаки, выказывал примеры отчаянной храбрости и смелости, не боялся смерти, получал ранения, о нём слагались легенды. Страшную рану получил он под Бихачем. Младич никогда не терял чувства самообладания. Даже тогда, когда на его глазах горел родительский дом, он видел пожар с горы Враца и не знал, спаслись ли мать и дети. Сербь были уверены: там, где Младич, там будет остановлена расправа над сербами. Именно так говорил русский солдат о маршале Жукове: «Там, где появляется Жуков, будут прорыв и победа!». Вот, оказывается, почему сербы зовут Ратко Младича «сербским Жуковым».

В Сараево сербские офицеры рассказали нам и о семей-

ной трагедии генерала-юнака. Его жена погибла от взрыва мусульманского снаряда, а дочь, студентка, покончила с собой.

Непродолжительная беседа Бабурина с генералом Младичем была посвящена демилитаризации всех зон Боснии, нарушению мусульманским миром и США эмбарго на поставки оружия, опасной политике идеологов «нового мирового порядка», способствующих на Балканах реализации в ущерб интересам России опасных проектов «Великая Албания» и «Великая Хорватия». Естественно, за счет сокращения сербских земель.

Генерал постоянно связывал войну на Балканах с интересами США и России, открываясь перед нами уже в качестве хорошего дипломата.

– Американцы и те, кто воодушевляет их, использовали самое удачное время для утверждения своих интересов в Европе, для унижения России. Безвременье и слабость России – вот чем они воспользовались. И мы понимаем: чем слабее сегодня Россия, тем слабее Сербия.

Ему вторил Караджич:

– Каждый раз, когда Россия оказывалась слабой, мы платили и платим за это дорогой ценой. На нашей земле проходит генеральная репетиция развала России.

И в эту минуту мы слышали от генерала Ратко Младича информацию, носящую сенсационный характер, которую вряд ли знало или желало знать российское руководство. Ва-

сий Боров потом скажет, что неплохо бы сделать какой-нибудь прорыв на телевидение, чтобы эту правду узнала вся Россия.

— Около года назад к Изетбеговичу прилетал Дудаев. Встречался с западными спецслужбами. Встречался с идеологами самой фундаменталистской организации «Мусульманские братья». Ему понравились слова основателя этой организации Хасана ал Бана: «Каждая земля, где произнесены слова: «Нет бога, кроме аллаха!», — это наше отечество! Она для нас свята, и мы должны быть готовы вести за нее войну!». И Дудаев твердо уверовал в мусульманский постулат: «Весь мир, то есть все нации и расы, должны покориться исламу». После переговоров Дудаев попал в поле действия антироссийского координационного центра. И когда у нас, в Сербии, наступали переговоры и перемирие с мусульманами, в Чечне сразу начинались военные действия! В Чечню шла переброска мусульман. Как только в Чечне объявлялись затишье и переговоры, в Сербии мусульмане переходили в атаку. Центр крепко руководил данной переориентацией. Мусульмане всюду умело использовали прекращение огня для обучения и передислокации своих вооруженных сил. Вы в России должны разбить чеченских сепаратистов, как разбили под Сталинградом «Хорватский легион». Запад заинтересован в сепаратизме Чечни, в разрастании войны. Это ослабляет Россию, отвлекает её от защиты своих интересов на Балканах. Запад боится оставить в покое сербов, так как

это послужит укреплением русских позиций на Балканах. Но мы понимаем, что Россия станет защитницей Сербии только тогда, когда будет сильной. Создавайте скорее Россию сильной.

Последующая информация так же не открыта миру, не представлена российской общественности.

– Вот Дания выступила за санкции против России. Им хочется отделить Чечню от России. А кто стоит за Данией? Германия стоит! У Германии на Балканах своих интересов не меньше, чем у ростовщиков из США. И воюют они здесь скрытно, тайно, порой хуже, чем американцы. В 1992 году они чуть-чуть не захватили Сербию. Под их нажимом европейское сообщество признало Хорватию, этот известный оплот фашизма. А первыми старую союзницу по фашистским временам признали сами немцы. Им нужен выход к теплым берегам Адриатического моря. Вот почему Германия – главный спонсор войны в Боснии, она хочет германизации Балкан, потому и натравливает на нас мусульман.

Перед окончанием беседы Младич рассказал нам и про американо-натовский разбой на боснийской земле. Как за один 1994 год янки, их «Фантомы», сбили в боснийском небе ради забавы пять легких тренировочных сербских самолетов «Гaleb» («Чайка»), нанесли близ Горажде первые удары ВВС по мирным жителям, бомбили сербов близ Сараево и аэродром Удбина в Сербской Краине. Поведал о зверствах мусульман. Как моджахеды сожгли более ста сербских

сел. Как убили около тысячи сербов – отрезали им головы, распяли на кресте, сожгли заживо.

Тяжело было слушать о страшном геноциде сербского народа. Ненависть мировой закулисы к сербам переходила все границы допустимого и недопустимого. Сергей Бабурин посоветовал собирать все факты убийств и зверств мусульманской армии для передачи их потом международному суду. Попросил подготовить и передать их также ему, так как он намерен разработать и внести в Государственную Думу России законопроект о геноциде сербского народа.

Тему неожиданно сменил Василий Белов. Вспомнил известные, проникновенные строки стихотворения Пушкина «Песни южных славян» – «Над Сербией смилуйся, ты, Боже!...». Затем не удержался, спросил:

– Товарищ генерал, скажите, Вамгодились российские военные знания, Вы ведь у нас учились в Генштабе? А как Вы используете опыт югославских партизан последней войны? Ваш отец партизаном был? Говорят, воевал в отряде Тито? Так это?

– Да. И погиб в самом конце войны. Его убили хорватские фашисты. Усташи. Мне было два года. Мать тоже была партизанкой. Моя судьба – это судьба многих сербов, не знающих своих отцов, дедов. А России я многим обязан. Полученные там знания, конечно же, очень помогают.

Закончился разговор тем, что Белов назвал американцев обычными трусами. Единственным дополнением к сказан-

ному были слова: «Они боятся и Вас, генерала Младича, и президента Караджича! Вы выиграли войну. Потому они с вами и разговаривают!».

Уточнять причины и степень трусости американцев никто не стал. Наверняка, у каждого были свои аргументы. И главный – американцы не вышли в открытый рукопашный бой с сербами... Американцы бомбят сербов из молниеносно летящих самолетов, прячась под высокими небесами. Мне подумалось о том, какую психологическую, информационную травлю американцы, да и те же немцы, устроили Караджичу, вождю мощного народного движения, человеку, который для всех сербов стал символом национального сопротивления порабощению и растворению в мусульманских анклавах. Через год после поездки в Сербию я напомним Белову, зашедшему ко мне в думский кабинет, его пророческие слова о трусости американцев. Они настолько боялись Караджича, что не могли сами сунуться в глубь Сербии и арестовать его, они пошли на низость и предательство – попытались убедить президента Милошевича посодействовать им в аресте Караджича и Младича. Долгими месяцами они замышляли, как вывести из игры Караджича?! Он путал все их планы. Их бросало в дрожь от мысли, что Караджич станет не только легендой всех славян, но и их вождем. Не зря спецпредставитель администрации США Ричард Холбрук настаивал в переговорах на уходе Караджича со всех государственных и партийных должностей, на его неучастии в предвыборной

кампании, на отказе от выступлений в СМИ. И когда Караджич ради мира и согласия на сербской земле согласился с этим, то дрожащий Холбрук ночью показывал журналистам меморандум, подписанный Караджичем.

Время для беседы было полностью исчерпано.

На столе перед Беловым появились газеты. По оформлению я сразу догадался, что это были экземпляры газеты «Завтра». Белов развернул одну, прочитал заголовок статьи, где было сказано, что «Караджич выиграл войну против Америки». И подарил сербским лидерам российские издания.

К торжественному моменту вручения подарков подключился Сергей Бабурин. От всей нашей делегации он подарил Караджичу красочный альбом «Православные иконы». Кстати, к подбору подарков мы отнеслись самым серьезным образом. Белов откуда-то узнал, что дочь президента Соня Караджич возглавляет в Сербии православную радиопрограмму. И вот для поддержки политического, культурного и духовного союза между православными народами мы и решили подобрать соответствующий подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.